

РУССКИЙ ПАЛОМНИК

ПОЕЗДКА С. П. ШЕВЫРЕВ
в Кирилло-Белозерский
монастырь

ВАКАЦИОННЫЕ ДНИ
В 1847 ГОДУ

**Степан Петрович Шевырев
Поездка в Кирилло-Белозерский
монастырь. Вакационные дни
профессора С. Шевырева в 1847 году
Серия «Русский паломник»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11078625

Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847

году: Индрик; Москва; 2009

ISBN 978-5-91674-075-2

Аннотация

Книга русского писателя и поэта «тютчевского круга», ученого, сформировавшего основы русского литературоведения и современной концепции восприятия древнерусской литературы, профессора Московского университета С.П. Шевырева (1806–1864) о его поездке зимою и летом 1847 года в Кирилло-Белозерский монастырь оказалась (как и другие его литературные произведения) прочно и совершенно незаслуженно забытой уже во второй половине XIX века. Отдавая дань нашему замечательному соотечественнику, издательство «Индрик» выпускает в свет описание в полном смысле слова исторического паломничества С.П. Шевырева к святыням Русского Севера.

Содержание

Часть первая	4
Троицкая лавра	4
Александров	20
Переславль-Залесский	28
Ростов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

С. П. Шевырев Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году

Часть первая

Троицкая лавра

Мне нужен был отдых от трудов академического года. Я хотел согласить его с занятием по сердцу. Ни на чем нельзя так отдохнуть человеку, утомленному кабинетной жизнью, как на пути скором и деятельном. Здесь мысль, не прерывая своего занятия, живет внешними предметами. Впечатления сменяются быстро, душа, освежившись, бодрей возвращается в свой внутренний мир.

Я имел цель, предположенную в своей поездке, но не пренебрегал ничем, что любопытного попадалось на пути. Пускай рассказ мой будет верной, незатейливой копией с самого странствия. Мыслящая беседа с замечательным человеком, живые речи простолюдинов, местность природы, впечатления городов и сел, памятники Древней Руси, монастыри, храмы, иконы и хартии, деятельность России новой, обычаи и нравы, предания, язык народный и его физиогномия – все взойдет в мой рассказ, без строгого порядка и связи, все, как случилось. Спутник мой, Н. В. Б., владеющий карандашом с та кой же грацией, как и стихом, снял несколько очерков, за которые я ему весьма благодарен. Пускай они очевидным напоминанием оживят мое слово.

У нас есть люди, готовые осмеять даже мысль о путешествии по России. Выдавая себя за строгих поклонников Запада, они в этом случае, однако, позволяют себе отступать от него, потому что Запад не только не пренебрегает такими путешествиями, но ввел их в моду и беспрерывно обогащает свою литературу их описаниями. Мы также весьма охотно читаем их, но в этом чтении нас не столько занимают рассказы о нашем отечестве, сколько мнение, какое о нас оставили западные путешественники. Данные мы всегда признаем неверными, неосновательными и даже извиняем в том: где же иностранцу, говорим мы, не знающему ни языка, ни истории нашей, собрать верные факты о земле и на роде? Но мнение, несмотря на то, для нас все-таки имеет великую цену и важность, хотя логически следовало бы так заключить: данные – неосновательны, след и мнение, из них выведенное, таково же. Но подобное заключение требует другого условия. Надобно иметь для того мнение о самих себе, как наши, а мы покамест его еще не составили – и потому дорожим мнением других, точно так как всякий человек, не имеющий о себе самостоятельного мнения, хотя с вида и стойкий, зависит от посторонних.

Есть еще причина, почему поклонники Запада считают невозможным путешествие по России. Эта причина, надобно с ними согласиться, самая основательная, она состоит в недостатке комфорта – великого плода европейской цивилизации, столько лестного самолюбию нашей человеческой натуры. Справедливо говорят: в России можно только ездить по делам, а путешествовать нельзя. В самом деле, вы путешествуете только за границей: путешествие там сопровождалось, по крайней мере, прежде всякий день прекрасным завтраком, вкусным обедом, мягкой постелью. Странствуя по России, вы беспрерывно подвергаетесь тем лише-

ниям, которые для иного, скованного привычками воспитания, просто невыносимые несчастья, удары судьбы; вы на самих себе и ночью, и днем чувствуете почти всякий час, как отстали мы в комфорте жизни перед другими – и выносите чувство неприятное, могущее повредить всякой пользе, если бы эта польза была даже возможна. С этим нельзя не согласиться. Кто против этого может спорить?

24 июня я выехал из Москвы в Крестовскую заставу. Иванов день сказывался венками цветов на поярковых шляпах фабричных щеголей московских. Красные рубашки, синие халаты и черные кудри под увенчанной шляпой мелькали беспрерывно. Весела физиогномия нашего промышленника, которого кормит Москва своей работой; его довольство блещет в его наряде, праздник принадлежит ему – и он не чувствует тяжелой нужды продать его за деньги. Но лицо его слишком рано теряет цветущую краску юности, рано морщины втираются в него и разрушают свежесть телесную, глаза темнеют и тупеют, под наружным забытием и весельем таится что-то болезненное и мрачное. Причина всему – вино.

Катясь по Троицкому шоссе, наслаждаешься выгодами европейской гражданственности и в то же время вспоминаешь старинную Русь с ее царскими походами. Вот налево – Марьиная роща и поле, где под шатрами отдыхал царь Алексей Михайлович со своей царицей. Вот древние главы церкви села Алексеевского. Вот Тайнинское – забава царя Алексея Михайловича. Путевые впечатления И.М. Снегирева – необходимая книжка для мыслящего странника к Троице: они оживляют дорогу памятью минувшего.

Но как изгладились следы его! Уж нет дворца в Алексеевском, где Карамзин с какой-то любовью смотрел на те вещи, которые принадлежали еще к характеру старой Руси; с каким-то неизъяснимым удовольствием брался рукой за дверь, думая, что некогда отворял ее родитель Петра Великого, или канцлер Матвеев, или собственный предок его, служивший царю, и чувствовал, что в нем не остыла русская кровь! В селе Тайнинском нет уже давным-давно дворца Елизаветы Петровны, который еще при Карамзине продавался на своз! В Братовщине – ни деревянной церкви, ни царской вышки, в которой на мягких перинах отдыхал царь Алексей Михайлович.

В Мытищах европейская цивилизация вам напомним обычай заграничных дорог. Вы приведете на па мять этот немецкий «Schein»¹, который вас так часто будил ночью! Не худо заметить для новичка-странника по этим европейским дорогам, что ярлык, который дадут вам за ваши деньги, надобно сберечь на дальний путь, если бы даже сторож и сказал вам, что вы можете сделать с ним все, что хотите. Помню, за границей мне всегда хотелось на самом ярлыке прочесть, что с ним делать, например: отдать на такой-то станции.

Самоварная промышленность предлагает вам отведать чаю из самой лучшей подмосковной воды. Предание именует родник громовым колодцем. Такое название нередко встречается в России; народ верил, что небесная молния открывала лучшую воду людям. Есть еще у нас святые колодцы: они вырыты руками святых мужей, потрудившихся для здоровья народного. Эти колодцы открыты также святым вдохновением с неба.

Село Пушкино, как говорят, славится своими хороводами. Думая, что в Иванов день они соберутся, мы остановились здесь напиться чаю. Но хороводов не было. Соседняя фабрика отнимает праздничные дни у народа. Труд, конечно, полезнее песен. Несколько девушек в нарядных платьях сидело на лавке у одного богатого крестьянского дома. Невдалеке от них стоял молодой щеголь села, хозяйский сын: видный собой, в плисовой сборчатой коротенькой поддевке, которая сжимала стройный стан его, из под нее видна была цветная пестрая рубашка, русые кудри вились из под шляпы; сложивши руки, гордо стоял он и поглядывал на девиц. Видно было, что он щеголял собой и своим нарядом. «Что не водите хоровод, девушки?» – «Да вот, молодцы не затевают», – отвечали они, указывая на щеголя. «Что же,

¹ Документ, дающий право на пересечение границы (прим. ред.).

друг, не позовешь их?» – «Да куда мне звать, это наш дом. Вот они сами пришли ко мне в гости и незваные». «Вот и еще успехи цивилизации», – подумал я. Уж это нравы прямо из современных парижских водевилей, где мир теперь выводится наизнанку и девушки волочатся за мужчинами. Я думал, что вижу перед собой сцену из «*Fièvre Brûlante*» в подмосковных костюмах.

Грудные младенцы на руках у матерей и ребятишки, бегавшие около них, привлекали мое внимание. Как они бледны и тощи! Какой болезненный вид! Прежде это случалось с барскими детьми. Нравы родителей видны на детях. Грустно!

Я прошелся по селу. Его веселая наружность мне понравилась. Взошел на колокольню. Прекрасен вид на окрестность, извивы реки Учи его оживляют. Волновались поля будущей жатвой. Вдали видна фабрика. Она отняла у нас хоровод, но спасибо ей за то, что кормит народ и приучает его к честному труду.

Сошел с колокольни, мы гуляли вдоль по селу. По дороге тянулся обоз от Троицы. Впереди ехала кибитка. В ней сидел священник. Нас поразила благообразная красота его. Никогда еще не встречал я такого чудного лица, которого черты намекали бы так ясно на божественный лик, коему мы поклоняемся на иконах. Кстати, такой прекрасный дар уделен служителю алтаря, особенно если черты души отвечают чертам лица. У нас, по какому-то предрассудку, совестно остановить внимание на прекрасном лице, как будто бы это не создание Божье, достойное изумления. Духовенство наше отличается вообще крепостью телосложения и свежестью сил: добрый признак его чистых нравов. Пускай иноземцы укоряют у нас это сословие в том, что оно слишком отделено от других. И прекрасно: таким только образом может оно уберечь себя и свои телесные силы.

Идучи по селу, я вмешался в народный разговор. Крестьянин всегда рад беседе с нами и весьма радушно принимает наше слово. В этом всего лучше выражается его добрая душа. Полет воздухоплавателя еще был здесь свежей новостью. Памятно мне слово одного простолудина: «Сам себе смерть покупает». «Что бы вам так? – спросил я. – Ведь вот вы сколько трудитесь, сколько работаете, а то ли дело? Слетал на воздух да взял себе денежки». – «Нет, барин, страшно». – «Да ведь ты пойдешь же на смерть, если отдадут в рекруты?» – «Та ли это смерть, барин? Это служба великому государю». Величаво было это слово – и величав вид, с каким произнесено оно.

Люблю я беседу с нашим народом. Она для меня всегда поучительна и мыслю, и словом. Мысль его свежая, незаученная; таково и слово. Кроме того, последнее нередко бывает для меня отголоском из памятников древнего языка. Один владимирский плотник говорил мне недавно вместо «взялися» – «ялися» все сделать. Мне так и припомнилось выражение из Нестеровой летописи: «ялися по дань». Но владимирцы сознают, однако, что речь московская чище. «У нас во Владимирской губернии говорят серо», – так выражаются они и, приходя в Москву на работу, стараются поскорее перенять наше произношение и склад речи. Москву они уважают и любят за то, что она их кормит, но у них есть на нее и пословица, не совсем выгодная: Москва – кому мать, кому мачеха. В городе у нас считают они себя чужими, а потому и ходят серо – не щеголяют, но зато у всякого на селе, у того мать, у другого жена, бережет красную рубашку да синий халат к его возврату: придет плотник с Москвы к сенокосу домой – и тогда-то наряжается он в береженое платье и щеголем идет к обедне в сельскую церковь, где увидят его люди свои, знающие его и по имени, и по рождению.

И.П. Сахаров в «Сказаниях русского народа» говорит, что песня «Не будите меня, молодцу» поется в селе Пушкине с каким-то народным торжеством и что московские жители нарочно ездят туда слушать эту песню. Мне хотелось поверить это на деле, и я обратился к одному из первых мастеров хороводных песен, который сказал мне, что эта песня поется здесь, как всякая другая, и что в ней нет ничего особенного. Неужели так скоро изменился обычай?

Было пора ехать в дорогу. Хозяйка на прощанье приглашала опять на возвратном пути: к нам заезжают-де все лучшие господа, мы эдак из простого народа никого к себе не пускаем, как другие; у нас не такой-де дом; оно знаете, тово-вотко, нечисто... А! Вот и аристократия в сельских нравах!

Когда своротишь с большой дороги на Харьков, места делаются живописнее.

Рано утром, перешед речку Ворю, я пошел в монастырь просекой леса, вверх по горе. На мосту, перед самым монастырем, встретили мы многих странников из Москвы. Я спрашивал, кто откуда. Тот – с Воробьевых гор, другой – из под Боровска, этот – из Рязска. Особенно заняла меня старушка из Каширы: она в болезни дала обещание сходить к угоднику и теперь его исполняет: «Не было бы рук ни ног – катком бы покатилась к чудотворцу». На мосту сидели нищие: не проходил ни один богомолец, как бы сам беден ни был, не по давши им милостыни деньгами, хлебом, сухарем. Вот и у моей старушки в бураке были размоченные водой сухари – ее насущная пища; деревянной ложкой зачерпнула она их и положила в чашку нищего, сопровождая дар крестным знамением и молитвой.

Не умолкают панихиды у раки блаженных родителей преподобного Сергия. Как в этом обычае да сих пор выражается мысль проповедника Пресвятой Троицы, который и теперь, приглашая к себе странников, дает им на пути урок благочестия семейного и сыновних обязанностей! Как ни алкала его душа иноческой жизни и пустынного уединения, но он внял голосу больных и престарелых родителей и служил им до конца их жизни, и тягостная житейская нужда их сдерживала в нем даже порыв высокого призвания! Эти отношения семейные составляют прекрасную человеческую черту в характере преподобного Сергия, черту, которой особенно сочувствует наш народ.

Толпы нищих в ограде монастыря, избалованных милосердием странников, беспрерывно упражняют в них эту добродетель – ведь это также занятие. Слепая с трех лет от рождения сидит у ворот монастырской ограды. Восемьдесят семь лет служила она тут и именем Христовым питала себя и, вероятно, семью свою.

Дождик ливнем лил, когда отправились мы к Троице. Заволокло со всех сторон – и на сплошном сером небе ни трещинки, которая обещала бы перемену к лучшему. Но мне было не скучно: я говорил с извозчиком. Малый, 21-го года, не женатый, рассказывал мне, как учила его читать и писать монахиня Хатькова монастыря, когда было ему еще девять лет. Мне при поминались времена Древней Руси, когда монастыри наши были первоначальными школами для всех сословий. Видно и теперь грамотность наших крестьян, даже и под Москвой, в том же заведывании обителей. Мещане учатся более в уездных и приходских училищах. Выучка чтению стоила отцу его 20 рублей ассигнациями, да за письмо столько же.

Парень весело рассказывал мне о их осенних и зимних посиделках. Карты проникли и в хижины наших поселян. Парни с девками играют в свои козыри и в короли. Особенно веселит их последняя игра, когда король раздает разные приказания, угодные их вкусу. В хоровах любимые песни: «Заинька», «Взойди, красно солнце, ни низко, ни высоко». «Песни старые лучше новых», – говорил представитель молодого поколения. «А кто сочиняет у вас эти песни?» – «Да так, друг дружке сказываем, друг у дружки перенимаем», – повторил он мне ответ, который слышал я и прежде в разных концах России. Иногда заезжие в деревню завезут новую песню в гости. Парни более учатся у девушек. Язык извозчика был для меня уроком в нашей московской народной речи. Особенно останавливало мое внимание обилие уменьшительных наречий, как, например: «теперичка», «тутотка». Едва ли какой-нибудь язык простирает до того страсть свою уменьшать все слова, как наш народный. В этом сходимся мы с другими славянскими племенами. Болгары уменьшают местоимение личное «аз» донельзя: «азика», «азикана», «азиканака». Мне этим объясняется наша простонародная откличка: «ась?», которая конечно есть наш славянский «аз», т. е. «я». Народ и его уменьшает и превращает очень грациозно в «асенька».

Видно, что парень мой был охотник до песен, но от Хатькова до Троицы никогда не раздается песня извозчика. «Нехорошо петь песни на таком святом пути», – сказал мне скромный юноша. Этот путь богомольный странник должен посвятить поминанию родителей святого Сергия. Блинки, которые предлагают на дороге как русское лакомство, указывают на древний обычай поминания. На походах царей к Троице подносились и им блинны, согласно тому же обычаю. В лесу раздается иногда чтение Псалтири, совершаемое благочестивыми богомольцами, поселившимися около этих святых мест. Это также голос векового поминовения.

Дождь не переставал во время нашего разговора. Вдали, на закате, у края неба, стало прочищаться. Но лишь только мы выехали из леса на поляну и понеслись по березовому проспекту, влево семицветная дуга двойной окружностью охватила небесный свод. Давно уже не видал я такого зрелища. Мы остановились перед ним. Радуга над Москвой ломается о верхи колоколен и домов. Здесь оба конца ее очевидно упирались на чистое поле – и все семь цветов ее горели ярко-ярко. Влево сияла Лавра в лучах заходящего солнца своими золотыми главами. Нельзя было найти счастливее минуты для выезда в святую обитель.

На другой день утром юродивый дарит вас хлебом. Дар его бескорыстен. Денег он не берет, а если кто насильно и даст ему, он раздает тотчас нищей братии. В этом даре выражается уважение русского человека к хлебу, как высшему дару Божию на земле, который удостоивается быть Телом Христовым. Уронить хлеб на пол считается грехом у коренного русского человека. Не могу не вспомнить, что германский мыслитель Баадер весьма сочувствовал этой черте нашего народа.

Невозможно проводить время отдыха лучше, как я проводил его у Троицы. У меня было там три занятия: богомолье, изучение памятников древности, беседа с учеными мужами.

Каждые четверть часа, от раннего утра до поздней обедни, в каком-нибудь из многочисленных храмов и приделов начинается литургия. Так гостеприимна Лавра к своим богомольцам, что всякий, взойдя в нее утром в какое угодно время, не долго прождет духовной трапезы. Нищие, баловни народа, роящиеся, как мухи, около храмов, вам скажут, где начинается обедня. Мне же, собиравшемуся в долгий путь, кстати досталось вы слушать первую литургию в церкви Божьей Матери Одигитрии (Путеводительницы).

Есть особенная отрада в мысли, что молишься в этих благолепных храмах, окруженный пришельцами со всех краев нашего отечества. Каждый принес сюда свою душевную мысль, свою просьбу, свою благодарность Богу. Здесь живее чувствуешь в себе, что ты член великой русской семьи, которой всякое единство возможно только в ненарушимой полноте единства церковного. В тесной толпе богомольцев из всех сословий приятно мне было встречать синие воротники наших студентов, усердно путешествующих к Троице-Сергию.

Благолепие и неистощимая глубина церковного богослужения во всяком русском храме поразительны, но мысль особенно проникается ими, когда стоишь подле раки того, кто не в храмах, облитых серебром и золотом, а в деревянной церквике, не в жемчужных, а в крашенных ризах, часто без кадильного фимиама, при блеске сосновой или березовой лучины до того мыслию и чувствами углублялся в небесные тайны богослужения, что молитвами своими низводил Ангелов с неба и удостоился посещения Владычицы. Внутренний трепет благоговения чувствуешь, когда в храме, где почивают нетленные останки ученика Пресвятой Троицы, раздаются слова литургии: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедимы Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

В этих словах сосредоточивается мысль целой жизни преподобного Сергия. По благочестивому преданию он пророчил об этой мысли еще в утробе матери. Потом вся жизнь его была непрерывным ее выражением. Он учил народ исповедовать Пресвятую Троицу, народ, который в частных поклонениях, дозволяемых Церковью, готов иногда потерять из

виду основную истину Христовой Веры. Без великой мысли нет великого подвига жизни, нет и блага народу. Без этой мысли не углубился бы Сергей в чащу лесов, не победил бы диких сил природы, не ископал бы студентов, не пришла бы к нему братия и не признала бы его достойным за всех «предстоять престолу Святыя Троицы» и «воссылать к Богу серафимскую пресвятую песню», не протоптали бы народ, князья и цари бесчисленных путей в эти дебри и чащи, не загремела бы Донская битва, не воссияла бы Лавра своими звездными главами, не совершился бы 1612 год с славной осадой... Да, все, все сотворила здесь одна верховная мысль христианства, камень его премудрости – мысль о Пресвятой Троице. Ею-то угодил преподобный Сергей Богу и народу русскому, который с именем Бога, в Троице поклоняемого, соединяет и имя его ученика. Не богословским трактатом запечатлел он поклонение Пресвятой Троице, но молитвой, богослужением, примером, любовью к народу, милостыней, целениями, нищетой, трудами, словом и поучением.

В палатке Серапионовой или келье Преподобного Сергея, где он удостоился посещения Богоматери, я с особенным благоговением поклонился десной руке и власам моего Ангела, первомученика Стефана. Великолепен Успенский собор. Размерами он напоминает московский. Во время богослужения по огромному его пространству летали голуби. Народ любит, когда эти птицы прилетают к нему на храмовую молитву: он чтит в них символ Святого Духа.

После литургии я любил посещать трапезу странников и осведомляться, откуда кто. Охотно высказывают они это – и всем как будто приятно слышать, что вот они с разных концов Русской земли сошлись сюда.

Обширная трапеза перед церковью Преподобного Сергея вся исписана живописью. Есть здесь школа художника Малышева, которая трудилась над этими картинами под руководством самого мастера. На потолке изображены: Страшный Суд, Вознесение Божьей Матери и Апостолы внизу около трапезы, где приготовлен и Богородице хлеб, или так называемая панагия, Спаситель, изгоняющий из храма торжников. Рисунок смел, и композиция величава. Большое поле и для великих художников. Кругом по стенам изображения милосердия из притчей евангельских. Один добрый человек, одетый по-нашему, ходил с крестьянами-странниками и объяснял им эти картины. Надобно было видеть, с какой жадностью внимала ему толпа. И старики, и старухи теснились около него и старались быть к нему ближе. «Приятно ли вам это слушать?» – спросил я у одного странника. «Как же, батюшка, – отвечал он мне, – все услышишь доброе слово». Народ наш готов по учиться, как видно, лишь бы являлись ему добрые учителя. При объяснении духовных картин сколько полезных истин Церкви можно передать народу. Живопись – язык очевидный и для всех понятный. Все Евангелие в лицах может здесь он увидеть. Мне показалось, толкователь не один ли из молодых ученых Академии, по воле начальства принявший эту обязанность перед народом, но нет – это был посторонний образованный богомолец, который раздавал странникам добровольную милостыню поучительного рассказа о святых предметах, изображенных в трапезе.

Изображение преподобного Кирилла Белозерского, снятое с его иконы-портрета, писанного преподобным Дионисием Глушицким и хранящегося в ризнице монастыря к заглавному листу

Иконы в храмах Лавры достойны были особенного изучения по древности своей и красоте стиля. Усердие обложило их здесь, как и повсюду, серебряными и золотыми окладами, не позволяющими видеть живопись. По указанию «Путевых впечатлений» И.М. Снегирева я обратил внимание на образ Живоначальной Троицы, стоящий по правую сторону царских врат Троицкого собора. В дорогих окладах мне были видны только лики трех Ангелов. Письмо византийское превосходное. Необычайная красота и грация разлиты по этим ликам, чисто греческим. Очертания лиц, глаз и волос имеют волнистое движение. Все три Ангела с любовью склоняют друг к другу головы и составляют как бы одно нераздельное целое, выражая тем символически мысль о любвеобильном единении лиц Пресвятой Троицы. Когда смотришь на величавые и прекрасные иконы греческого стиля, тогда приходит на ум: уж не содействовали ли мы его искажению, даже и в так называемой Строгановской

школе, которая удалилась от величия типов греческих, от красоты очертаний и пустилась в мелочи, в складочки одежд и в посторонние архитектурные украшения.

Отец наместник, учредивший в Лавре школу иконописи, в заботах своих о том, чтобы дать поприще для деятельности новому искусству, не забывает сокровищ и древнего. Нередко под новой живописью он открывает древние иконы. Так указал он мне на глубоко-мысленный символический образ примирения человека с Богом во Христе. В вознесении Спаситель представлен возносящим с собой души праведных. Мне виделись в этом изображении слова из проповеди Кирилла Туровского на Вознесение: «Имеяшеть же с Собою Господь и душа человеческы, яже възнесе на небеса в дар Своему Отцю, их же в горнем граде усели». Живопись наша, как и духовная поэзия народа, одушевлялась словом проповедников Церкви.

В ризнице внимание наше, утомленное золотом, серебром, жемчугами, драгоценными камнями, бархатом, парчой, с благоговением устремляется к деревянным сосудам преподобного Сергия, покрытым красной краской. Из них-то сам вкушал он хлеб жизни и предлагал его народу. Эти сосуды видом своим напоминают простую сельскую красную посуду, которую употребляют крестьяне и которая издревле в большом количестве производится в Троицко-Сергиевском посаде. Напоминая простому народу его бедную домашнюю утварь, они тем для него дороже. Смотря на их скудость, на крашенные ризы Сергия и потом на все великолепие других риз, престолов, митр и проч., видишь, как воочию совершаются слова Евангелия: ищите прежде Царствия Божия – и сия вся приложатся вам. Такова история нашей Церкви, если взять ее со стороны внешнего ее обогащения. Первые подвижники ее никогда не думали о земных благах, а только служили народу молитвой и делом – и народ со всеми державными представителями своими сыпал на обители, ими основанные, золото, серебро и жемчуга без числа и дарил их многолюдными селами. У нас Церковь стала богата не потому, что любила приобретать, а потому что была бескорыстна в главных своих представителях. Правда, умножение этих сокровищ, движимых и недвижимых, произвело ношу, которая стала отяготительной для духовного существа Церкви и ослабляла полезное действие ее на народ. Но все это было только временно, а истинного вреда не могло произойти отсюда, потому что источником обогащения Церкви была любовь народа, не знавшая, чем угодить ей, следовательно чувство прекрасное и бескорыстное, а доброе начало чувства, если бы иногда и перешло за границы, не может быть предосудительным.

Роскошь украшений, состоящая в безотчетном богатстве, начинается у нас особенно со времен патриаршества. Может быть, еще прежде внесла это Византия, но всё не столько. Борис Годунов весьма тому содействовал. Нередко дарил он царские свои порфиры на ризы обителям. Великолепнейшие покровы на раку преподобного Сергия начинаются с него. Прежние пелены Древней Руси представляют нам смиренный образ угодника в простых одеждах, шитый шелками. Изумительна крепость ткани из крученого шелка: куда девалось это прочное искусство, которое поспорит с самым лучшим непромокаемым макинтошем? Крепость вековая ткани, засвидетельствованная четырьмя или тремя столетиями, и смиренная простота изображения выражают совершенно подвиг угодника, который в смирении нищеты трудился для вечности. Новые покровы – золото, серебро, камень, жемчуга, бархат. На пелене, подаренной в 1499 году царевной царегородской, великой княгиней Московской Софией Фоминишной, надписи видно вышиты были людьми не грамотными. Вместо *мѣр* *ѣо* («Матерь Божья») вы читаете «Мар – фу», «ѡндрей» вместо «Андрей» напоминает выговор суздальский, как в Лаврентьевском списке Несторовой летописи, а «Фама» вместо «Фома» – наше московское произношение, слышное здесь в памятнике конца XV века.

Рукописные служебники и Евангелия требовали бы здесь особенного изучения, тем более что все обозначены годами и потому важны в филологическом отношении. Служебник пр. Никона, содержащий в себе чин православной литургии, может быть, один из древ-

нейших, какие мы имеем с значением года. Текст Евангелия Симеона Иоанновича Горского, относящегося к 1344 году и современного пр. Сергию, замечателен своей любовью к букве, которая встречается даже в прошедшем времени: вместо «ль» читаете «ль». Эта особенность противоречит сильно мнению Добровского, который в своей «Грамматике» считает ерик особенным признаком рукописей XI и XII века. Вот после этого утверждайте признаки языка для памятников словесности словено-русской по столетиям: такое требование могут объявить только люди, никогда не заглядывавшие в нашу древнюю письменность. Если положения Добровского беспрерывно опровергаются новыми открытиями, то кто же возьмет на себя утвердить эти признаки, когда еще большая часть памятников, на основании которых надобно сделать это утверждение, остается в неизвестности?

Давно желал я познакомиться лично с профессором церковной истории при Московской духовной академии Александром Васильевичем Горским. Я питал уже к нему уважение за важные открытия, сделанные им в древней словесности русской: мы обязаны ему сочинениями Илариона, первого митрополита из русских. Он же объяснил в «Москвитянине» жития Кирилла и Мефодия, почти современные первоучителям грамоты. Недавно выдал он «Историю Флорентийского собора». Книга Сиропула на греческом языке, которой до сих пор мало пользовались, послужила для него главным источником. Но беспристрастный автор не оставил без употребления «Истории», написанной Дорофеем, митрополитом Митиленским, и признанной со стороны Римской Церкви. Соборы XV столетия на Западе: Констанский, Павийский, Сиенский и, наконец, Базельский, столько страшный для Евгения IV, свидетельствуют, что «Церковь Западная, – как говорит автор, – путем долговременных бедствий стала возвращаться к той древней церковной, но всегда ненавистой для властолюбия папского, мысли, что видимой вселенской властью в Церкви должна быть власть Вселенских Соборов». Признание необходимости Восьмого Вселенского Собора было великой уступкой со стороны Пап, на которую они решались бессознательно.

Весьма подробно и ясно изложены здесь прения обеих сторон. Как торжествует сила церковного догмата в устах Марка Ефесского, в его кратком и разумном слове, которое умолкает тогда только, когда все доводы истощены и дело переходит в ухищренные слова и кривые толкования. Хорошо оттенен красноречивый и лукавый Виссарион, который употреблял истину средством для цветов красноречия, а потом отошел от нее из видов честолюбивых. Марк с двумя товарищами отстаивали истину за духовенство. Когда же изменники возвратились в свои земли, в Царьграде народ первый вступился за истину православия, в Москве – великий князь Василий Темный.

Смирный труженик не выставляет имени своего на прекрасных трудах своих – и я прошу у него извинения в том, что нарушаю его скромность. В его обществе я имел удовольствие познакомиться с г. Казанским, который известен стал в последнее время новыми разысканиями о жизни и трудах Иосифа Волоцкого, с г. Соколовым, автором статьи о отношениях Армянской Церкви с Православной Восточной касательно соединения, с г. Амфиатовым, профессором словесности, который также известен своими трудами и которого брат в Киеве издал недавно прекрасную книгу о словесности церковной.

Ученые духовной академии представляют для нас пример трудолюбия в соединении со смирением, не признающим своей личности. Здесь за добросовестным трудом скрыто лицо. Это самоотвержение – великий подвиг, объясняемый из лучшей стороны нашего народа.

А.В. Горский показал мне ту древнюю пергаменную рукопись под заглавием: «Златая цепь», в которой автор «Истории Русской Церкви» открыл четыре слова Серапионовы. Под его просвещенным руководством взглянул я и на библиотеки.

В Троицкой Лавре две библиотеки древних рукописей: одна – духовной академии, другая – собственно Лавры. Первая помещена в самом здании академии. Помещение очень хорошо для лета и напомнило мне своей простотой и полусветом отчасти Гёттингенскую

библиотеку, но для зимы оно неудобно, потому что нет тепла. На столе лежит Евангелие, как первая книга. Печатных томов до 20 000. Весьма замечательно Еврейское Пятикнижие, рукопись XII века, подаренная преосвященным Гавриилом, которому в Одессе поднесли ее караимы. Славянских рукописей до 200.

А.В. Горский показал мне здесь книги пророков с толкованиями, рукопись, о которой упоминает Востоков в своем предисловии к Остромирову Евангелию. Она писана в XV веке, но с рукописи, относящейся к 1047 году, следовательно, ранее Остромирова Евангелия. Писавший сию последнюю – поп «Упирлихый». Многие слова, отмеченные профессором в тексте, примечательны: «мечка» вместо «медведица», «рзание» вместо «ржание». Но всего любопытнее для меня было открытие, которое сделано А.В. Горским и которое он до сих пор таит под спудом, несмотря на то, что оно обрадовало бы многих филологов и во главе их Шаффарика. В одной рукописи, содержащей в себе перевод «Шестоднева» и «Небес», сделанный Иоанном, экзархом болгарским, встречается, между прочим, и известное «Слово о письменех» Черноризца Храбра. Это одно из древнейших свидетельств об изобретении христианской на шей грамоты Кириллом и Мефодием и о том, что до нее у языческих славян были вместо письмен черты и резы. Свидетельство тем особенно важно, что оно ясно определяет год изобретения грамоты – 855, а именно за три года до крещения Бориса, царя болгарского, и «боляр» его в 858 году, как говорит наша летопись. Через 6 лет нам придется праздновать тысячелетие христианской нашей грамоты – и оно же кстати совпадает с столетним юбилеем Московского университета (1855). До сих пор не знали, к какому времени отнести это свидетельство Черноризца Храбра. Древнейший список его, найденный Калайдовичем, принадлежит XIV веку. Смелее других, Шаффарик относил автора к XI столетию. В рукописи академии А.В. Горский указал мне на следующие слова, которые не встречаются в других: «сутьбо еще живи», «иже суть видели их», т. е. Кирилла и Мефодия, изобретателей грамоты, следовательно известие Черноризца Храбра об них почти им современное. Отсюда очевидна важность означения года изобретению. Как свидетельство современника оно неоспоримо. Кроме того, есть и другие отмены в тексте. По изданию Калайдовича читается: «прежде оубо словене не имеху книг, но чертами и резами четеху и гатааху, погани суще». В тексте рукописи академической слова «четеху» нет, а просто «гадаху».

Замечательна еще огромная рукопись святого Григория Бого слова. У нас в глубокой древности любили этого проповедника, и много отличных и весьма древних экземпляров его «Слов» дошло до нас: Лествичник с толкованием за подписью митрополита Киприана, прекрасный экземпляр Златоструя Симеона, царя болгарского (пора бы издать это произведение Симеона, преемника Бориса, крестившегося в веру Христову и крестившего свой народ), сочинения Максима Грека, экземпляр неполный. К сожалению, Лавра не имеет полного экземпляра сочинения Блаженного Максима, который в ней окончил жизнь свою и страдания. В пергаменном Евангелии находятся греческие обороты ранее времен Максима Грека. Вообще в славянском тексте Писания Церковь наша всегда допускала большое разнообразие в букве текста, давая тем разуметь, что не в этом настоящее единство, а во внутреннем смысле содержания.

Библиотека Лавры содержит в себе до 800 рукописей. Она помещается на огромном чердаке, над трапезной церковью. По стропилам крыши церковной пробирались мы в это книгохранилище, обеспеченное от по жара, но не от холода и сырости. Стаи голубей поднимались от шума наших шагов. Памятно мне будет гостеприимное радушие библиотекаря отца Илария. Книги размещены по содержанию. Отличные экземпляры пергаменные Григория Богослова и жития Нифонта, перевод с греческого. Собрания канонов замечательны по языку. Одно из них писано греком по-славянски с весьма затейливыми фигурами, которые разгадывает опытная начитанность отца Илария. Кроме тех грамот, которые стоят в фолиантах и были пересмотрены Археографической экспедицией, библиотекарь открыл новые,

приведенные им в порядок. Замечательна, между прочим, просьба одного инок Мардария времен царя Михаила Феодоровича: он, как видно, провинился против устава монастырского и просит прощения у обители.

В числе лучших моих духовных приобретений у Троицкой Лавры я считаю личное знакомство и троекратную беседу с Феодором Александровичем Голубинским. В Ильинском предместии, за речкой Садовой, в укромном домике живет почтенный представитель христианской философии у нас. Простота и смирение осеняют его мирное жилище. Меня поразило высокое чело нашего отшельника-мудреца. Лицом и особенно глазами напомнил он мне Шеллинга, которого я видел в первый раз также в сельском уединении около Мюнхена. Та же ясная голубизна в глазах, та же дума. У Шеллинга еще возможна личная страсть – в чертах русского мудреца господствует спокойное самоуглубление. Такова и тихая речь его, которая всегда тепла, но вспыхивает живее при выражении радушия и участия.

В сельском приюте своем Ф. А. Г. живет окруженный тремя сыновьями, из которых двое с отличным успехом проходят курс в вифанской семинарии, а третий еще готовится дома. Я слышал один урок. Мне особенно понравилась ясная кротость наставника-семинариста, противоположная крикливой настойчивости, которая не дает разума учению.

Кругом по стенам приемной комнаты развешаны портреты некоторых лиц, просиявших духовной жизнью. Тут вы увидите Тихона Воронежского, Серафима, отшельника Саровской пустыни, Паисия – портрет, присланный старцами Оптиной обители, усердно посвятившей себя памяти этого мужа, из Молдавии столько действовавшего на духовную жизнь и в наших пределах. Особенно остановил меня портрет Георгия Алексеевича, затворника Задонского. Он был военным, но воспитанный набожной матерью, рано почувствовал призвание к иночеству и прославился своей духовной жизнью. Он не имел столько учености, как отец Макарий Болховский блаженной памяти, но имел столько же любви – и писал письма, исполненные умиления, которые изданы одним из старцев Оптина. Благообразное и разумное лицо Георгия весьма поразительно.

Многие гости из Москвы, любя беседу Ф. А. Г., навещают его здесь охотно. Ему передают они вести о шумном движении западного мира. При мне говорили о чуде в Гренобле, об Эдгаре Кине, о Мишеле. С участием внимает всему радушный хозяин, но и с спокойствием, которого ничто не взволнует. Эта тишина мысли и слова в человеке, привыкшем к самоуглублению, действует успокоительно на нас, людей, живущих в том мире, где разум неразлучен со страстью и почти всегда подчинен ей.

Рано началось классическое учение для Ф. А. Г. Первые занятия детства были устремлены на поэзию. Десяти лет он уже прочел пять песен Виргилеевой «Энеиды». Занятия философией он избрал по собственному влечению. Лекции истории философии, им читанные в духовной академии, существуют в рукописях. Некоторые написаны им самим, другие составлены его учениками. Теннеманн и Риттер служили ему для его лекций. Первого он предпочитает в том, что касается до изложения систем, за исключением односторонних мнений кантианских; Риттер не столько верен в изложении. Но главной основой для Ф. А. Г. было конечно собственное изучение, руководством при котором служило начало, тесно сопряженное со всей его жизнью.

Беседа Ф. А. Г. имеет двойной характер. Я никогда не встречал человека, который бы умел так строго править силами души в своем разговоре и так разграничивать сферы, в которых вращаются его мысли. Этих сфер две: религия и философия, живущие в духе его слитно и согласно. Из обеих сфер равно почерпает он предметы для своих бесед, обе равно ему доступны. Когда говорит он от философии, в речи его выражается ясное и спокойное сознание разума, в расположении мыслей господствует строгая логическая отчетливость, и каждое слово точно и определительно. Когда говорит он от веры, он весь – полнота умиленного

чувства и слово его растворено любовью, а украшено одной простотой, истекающей из глубокого искреннего смирения. Тогда слово его понятно будет ребенку и простолюдину.

В таком случае он любит рассказ или притчу. Не могу здесь не вспомнить одного события, которое он мне передал. Оно случилось еще при императрице Екатерине II. Один сельский священник перестал служить вовсе обедню, потому что никто из прихожан не ходил в церковь. Тогда настоятель соседнего монастыря, узнав о том, дал ему совет служить для Ангелов, говоря, что они шепнут своим и приведут их за со бой. Священник послушался совета, начал служить – и в самом деле церковь мало-помалу опять наполнилась прихожанами.

Наша мысль, увлекаемая свободой разговора, весьма часто переходила из одной сферы в другую. При этих переходах в особенности мог я видеть опытность мудреца, превосходно владеющего логическим разумом и теплым чувством в своем слове. Все системы германской философии ясно проносятся в его голове. Изложение его, когда говорит он о науке, сохраняя ученый характер, вовсе чуждо темноты и ясной глубиной свидетельствует о совершенном знании предмета. Вот несколько отрывочных мыслей, собранных мной из поучительной беседы, о разных великих лицах, славных в истории немецкой философии.

В Шеллинговом учении было точно такое начало, которое могло вести к примирению философии с религией. Доказательство тому – все ученики его, чувствовавшие эту потребность: Клейн, Канне и другие. Потенции его, которыми он в последнее время силился логически доказать догмат Пресвятой Троицы, показывают только бессильную попытку разума вместить в формулу невместимое.

Баадер принадлежит к таким мыслителям, которые сами не строят систем, но своими сочинениями в других расшевеливают, возбуждают мысль. Надо же быть и таким мыслителям.

С уважением и сочувствием говорил Ф. А. Г. о Якоби, которого и в Германии называли новейшим Платоном. Он велик тем в особенности, что Шеллингу предсказал все последствия его первоначальной философии, которых Шеллинг не принял, но которые дали пищу Гегелеву учению. Весьма важно сочинение Якоби о Спинозе.

В учении Спинозы проведено повсюду логически начало необходимости. У него нет понятия о зле. Отсюда невозможность и нравственной философии. У Гегеля в его построении философских наук также нет нравственной философии, которая есть у Канта. Гегель смеялся над Кантом в этом отношении, приписывая нравственную сторону его системы влиянию его набожной матери и предрассудкам, навязанным ему из детства.

Гегель признает развитие, но вот задача, которой он не разрешает: как в развитии его из предыдущего развивается последующее? Откуда берется новое в жизни? Где источник этому истечению? Это может быть объяснено тогда только, когда в основу развития полагается полнота бытия, а у Гегеля бытие равно небытию, да и самое его «Sein»², по его же собственному выражению, «eine schlechte Unendlichkeit»³.

О сомнениях прекрасно выразился христианский мудрец. Важны и значительны сомнения мужественных душ, а не сомнения натянутые, ни из чего не вытекающие, разыгрываемые. Сомневался и блаженный Августин. Сомневался и Декарт. Из таких сомнений может выработаться знание истины, убеждение.

Прошу извинения у почтенного мудреца в том, что взял на себя изложить некоторые мысли, особенно врезавшиеся в моей умственной памяти. Принимаю на себя всю ответственность в том, если дал какой-нибудь не правильный оттенок тому, что слышал. Мне было приятно заслушиваться этой речи разумной, ученой и ясной, которая вливалась мысль в

² Бытие (нем.).

³ Дурная бесконечность (нем.).

мой разум, сведения в па мять и тишину в сердце. Я позволял себе думать, что если бы эти уста отверзлись для того, чтобы передать историю науки наук не одному академическому, но и университетскому нашему юношеству? С какой жадностью оно бы стало слушать ученого старца? Сколько бы пользы про изошло отсюда? А передавать науку так легко для его опытности; так кажется, все готово и все созрело здесь для передачи, и с каким радушием сообщается знание его владельцем, как будто это не личная его собственность, а достояние всех.

Много расточено великих и прекрасных сил по нашему отечеству, которые не признаны, много светильников, таящихся под спудом, а не горящих на свечнике. Русское смирение часто укрывает таланты Божьи – и люди, призванные быть благовестниками истины, готовы тратить силы свои и время на такое служение, которое за них всякий другой мог бы легко исправить. Как часто у нас там не сознается личность, где она является сосудом мысли светлой, Божественной, и сознается сильно там и кричит на всю Россию, где она только сосуд самолюбия, а иногда и того хуже!

Я видел В.И. П-ву в скромном ее уединении. Здесь, у святыни Троицкой, имеет она приют. Дети православного грека, турецкого подданного, страдавшего за верность православию, нашли в ней мать и воспитательницу. Последнее отдает она этим сиротам в чужбине, возбуждающим искреннее участие к судьбе своей. Вот как Церковь соединяет нас до сих пор узами духовного родства с тем народом, от которого мы приняли веру⁴. Кроме этой малолетней усыновленной семьи у В.И. П-вой есть другая, престарелая, которая ее не меньше любит. От обители содержится богадельня для ста и более старушек, состоящая под начальством княжны Елизаветы Дмитриевны Цициановой. Удобно, спокойно и тепло помещаются они в особенных покоях. Рукоделье по силам составляет их занятие. Чистота, опрятность, мир, тишина и молитва поселились здесь, в этом приюте женской старости. Ежедневно за обедом и ужином В. И-на читает для них жертвенник, т. е. жития святых отец, и правила. Под ее руководством обошел я эти покои. Приятно было видеть, с какой радостью богаделенки принимали молитву и приветствие сердобольной послушницы и с какой лаской бросались к руке ее. При богадельне находится и больница. В сию последнюю принимают мешанок и крестьянок из окружных и дальних мест. Тут дмитровская мешанка, мать семейства, лишенная движения руками и ногами, нашла врачебные пособия. Сюда из Витебска безногая девка приползла на четвереньках в полном смысле этого слова! Лавра имеет своего безмездного врача, инок, отца Анастасия, который со всем бескорыстием, приличным его званию, и со всей добросовестностью ученого посвятил себя медицине. Он неутомимо посещал университетские лекции и клиники. Слава его простирается на сотни верст в окружности и привлекает к нему множество больных. Кроме богадельни, для приходящих богомолов есть странноприимная палата, состоящая под особым наблюдением Юлии Самойловны Головинской. Лавра действует, как действовали наши обители, которые кормили народ во время голода, давали прибежище больным, странным и престарелым. Но много пособий нужно еще нашему на роду. Не все обители в состоянии то же делать, что делали прежде.

В трех верстах от Лавры по дороге в Александров, немного в сторону, лежит Вифания. Память митрополита Платона здесь всегда жива. Почти не умолкают панихиды над его гробом. Два храма возвышаются один над другим: внизу во имя Господа, воскресившего Лазаря, вверху во имя Господа Преобразившегося. Храмовоздатель сам в одном из слов своих так выразил таинственное соотношение этих двух храмов. «Храм сей посвящен святейшему имени Преобразившегося Господа, а сущий под ним храм посвящен Тому же Господу, воскресившему Лазаря из мертвых. Один храм к другому имеет близкое отношение. Ибо между Воскресением и Преображением есть союз таинственный. Не говорю я о Воскресении и

⁴ К сожалению, судьба с тех пор разлучила В.И. П-ву с ее усыновленной семьей.

Преображении Христовом, но о воскресении и преображении нашем. Ибо Христос и воскрес для нашего воскресения, и преобразился для преобразования нашего...

Выходя из нижнего сего храма, восходим на сей верхний. Так, выходя из гроба воскресением, восходим мы в храм славы, преобразуясь из тления в нетление. Не можно удостоиться преобразования, доколе не удостоимся воскресения».

Основная мысль этого двоякого храма, как мысль, внушенная верой, принадлежат всем векам. Но на форме ее исполнения лежит печать XVIII столетия, которое любило блеск фантазии и игру эффектов. Предстоятели Церкви считали у нас за нелишнее снисходить этой слабости. Отсюда объясняю этот искусственный Фавор, изображающий самую гору с ее потоками. В верхнем храме два предмета особенно замечательны: комнатная икона Людовика XVI, та, перед которой, может быть, он изливал душу свою незадолго до смерти, она стоит на самом престоле; снятие со Креста – образ новой итальянской живописи, привлекающий давно молитвы богомольцев и славный чудотворениями. Церковь соединяет у нас все во имя высшей истины и первая подает пример против всего исключительного. В нижнем этаже, в стороне, близ могилы храмоздателя, хранится тот деревянный гроб, в котором пребывали нетленные останки преподобного Сергия. Простота его, окруженная великолепием прошлого века, и здесь напоминает ту духовную силу, без которой не блистала бы и Вифания.

Дом митрополита Платона напомнил мне видом Фернейский замок Вольтера. Сближение покажется странным, но оно касается одной внешности: есть у каждого века свое особенное в наружном быту, в украшениях, в приемах. И там и здесь вы находите портрет императрицы Екатерины: в Фернее вышит шелком и подарен самой государыней, здесь – вырезанный из бумаги весьма искусно и подаренный Потемкиным. Там картины, относящиеся к жизни Вольтера, здесь также – к жизни хозяина. Но тут противоположность. Вольтер, как будто язычник, находит убежище у Аполлона, которому подносит свою «Генриаду». Платон в тяжкую минуту жизни утешен Ангелом, подносящим ему сердце с надписью: «Горé сердца!»

Преосвященный любил природу. Прекрасные виды на окрестность, оживленные прудами, окружают его домик. Вместо ландшафтов служат зеркала. Зеркало в шкафе отражает вид на Лавру. В опочивальне его также зеркальный потолок. Много любопытных воспоминаний хранится о частной жизни покойного. В летней спальне вы найдете его соломенную шляпу. На картине изображен его повар, у которого вытаскивают занозу из ноги. На другой портреты его певчих, которые духовными концертами улаживали его в минуты грусти; тут же и турок, воспитанный им и обращенный в православие. В алтаре домового храма хранится стул с китайскими изображениями.

Домовая церковь при покоех – во имя Сошествия Святого Духа. В ней только две иконы, и то малые. Смысл Ветхого и Нового Завета изображен словами: «Закон Моисеем дан бысть, благодать же и истина Иисусом Христом». Здесь митрополит при служении исправлял должность причетника.

Выходя из этих покоев с живым воспоминанием о личности усопшего хозяина, вы невольно остановитесь мыслью на надписи главного крыльца: «Да благо словит Господь вход и исход твой отныне и до века», как будто бы преосвященный простирал и теперь свое благословение на всех посещающих его скромное убежище. Но после этой молитвы, прочтете сбоку и русскую благоразумную пословицу: «Не выноси сору из дому».

Уезжая из Вифании, я взглянул на новый дом семинарии – это великолепные чертоги.

По той же дороге, которая ведет в Вифанию, влево, вы посетите пустынное уединение Гефсимании, вновь учрежденное преосвященнейшим архимандритом Лавры. Высокие и густые лесные сени окружают его. И в нем, как в Вифании, пускай сам хозяин и учредитель объяснит нам мысль учреждения своими же словами:

«Если памятнику свойственно возвращать мысль ко временам и предметам, которые ознаменованы памятником, то, прости мне, великая Лавра Сергиева: мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела святых, обиталища святыни, свидетелей праотеческого и современнического благочестия, люблю чин твоих богослужений, и ныне с непосредственным благословением преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда поколебалась было Россия. Знаю, что и Лавра Сергиева, и пустыня Сергиева есть одна и та же и тем же богата сокровищем, то есть Божиею благодатью, которая обитала в преподобном Сергии, в его пустыне и еще обитает в нем и в его мощах, в его Лавре, но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврой. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их досягает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келии, чтобы я мог воздохнуть его воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных».

Еще прямее выражена мысль духовного убежища в другом «Слове», говоренном при освящении храма его: «Если для любви к совершенному безмолвию и в обителях часто бывает тесно, и в диких пустынях не совсем свободно, а доставить ей благоприятное для нее убежище должно быть полезно и ныне, как полезно было прежде, то где мы поселим ее ныне, в сем веке молвы многия? Не будет ли, может быть, ей приятно поселиться в малой, простой, уединенной, от молвы по возможности огражденной обители, под тенью обители великой, подобно как некогда безмолвствующий Варсонофий Великий обитал в совершенном уединении под тенью аввы Серида?» («Слова», ч. II, 512).

На это убежище духовного успокоения и молитвы не употреблено ничего из тех материалов, которые добываются в недрах гор. Одна растительная природа, наиболее доступная человеку, предложила свое простое вещество. Деревянная церковь, напоминающая самое первоначальное церковное зодчество у нас, взята из села Подсосенья. Она была сложена повелением архимандрита Дионисия. Сосновые срубы ее, несмотря на 200 с лишком лет, остались невредимы. В верхнем храме во имя Успения Богоматери иконы частью древние, а другие – вновь написанные в древнем стиле. На южных дверях находится изображение спасенного разбойника. Замечательны правильность и жизнь в телесных очертаниях. Стиль напоминает Перуджинову кисть, создавшую изображение святого Севастиана. Крест вырезан из дерева, служившего для престола прежней церкви. По обеим сторонам на стенах храма – иконы и вместе портреты преподобного архимандрита Дионисия, строителя прежнего храма, и святителя Димитрия Ростовского. Нет ни одного украшения, которое бы противоречило мысли целого.

В нижнем храме – престол во имя Страстей Христовых. Здесь для изображения их допущено и новое искусство. Всякую пятницу, как день посвященный воспоминанию о смерти крестной Спасителя, совершается литургия. Неумолкаемо раздается чтение Псалтири.

Так всё, всё знаменует здесь сознательное возвращение к разуму первоначальной нашей Церкви: внешнее великолепие и блеск затмились перед простотой и смирением, от которых пошла и сила нашей Церкви, и сила жизни народа и царства.

Последние минуты в Троицкой обители провел я в прогулке по стенам двухэтажной ее ограды с А.В. Г-им. Окрестная природа рисует мирные ландшафты в амбразурах стен, память историческая предлагает грозные воспоминания, которых отголосок жив в каждом

камне. Нижний этаж дал трещины во многих местах, оттого что толща ограды строена в два приема. Ограда, охранявшая обитель и Россию от врагов, теперь служит для мирных и торжественных шествий благополучной Церкви, которая по ней носит свои хоругви и иконы, сопровождаемые клиром и толпами усердного народа. Да иногда молодые ученые духовной академии гуляют под массивной тенью этих сводов, как философы древности в своих портиках, укрытых от солнца.

Александров

На сорок верст отстоит Александров от Троицы. Дорога небольшая, но проезжая. Колеи такие, что способу нет, а когда грязь, так не приведи Господи! Сна чала однообразно тянется она перелесками, потом несколько оживляется. Путь сокращал мне извозчик Фаддей, очень умный малый, которого подрядил я в Троицком посаде до Александрова. Память святого жива в народе. «Потрудился Сергей Чудотворец для народа, – говорил мне крестьянин, – всем послужил. Колодцев с десять он все вырыл. Ведь тут везде был лес дремучий, звери жили, людей никого. Без Сергея Чудотворца не было бы и нам ничего, а теперь им мы живы. У него, говорят, всего было довольно, кто-то ему в келью накладывал; придет и наложит, а кто незнамо. Вестимо, что, чай, были Ангелы».

«Что, владимирцы-то в Александрове как говорят? По-вашему?» – «Нет, там говорят не так чисто, как у нас. Бывалые в Москве конечно говорят почище, а тутошние, в Александрове, присцокивают». – «Смеетесь вы над ними?» – «Зачем же смеяться? Ведь и мы не лучше против ихнего скажем». Мне понравился этот ответ смиренный, это благоволение к другому наречию, хотя оно и противно уху. Крестьянин дальний, наезжая часто в Москву, сам добровольно подчиняется звукам и чистоте образованного наречия Москвы, но москвич не будет смеяться над приезжим провинциалом.

Поводом к этому разговору было село Слотино, которое мы проезжали. Странно мне было вдруг встретить здесь наречие новгородское. Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно цавокала. «Вот вам цашецка», – говорила она. Крестьянин, муж ее, говорил чище, чем она, – виден человек езжалый. Это привело меня к тому заключению, что наречия местные изучать надобно от женщин-домоседок, которые не покидали родины. От мужика же вы редко услышите чистое первоначальное наречие его села или деревни. Чуждое влияние всегда уже будет заметно в его речи.

Как зашло сюда наречие новгородское? Слотино существовало уже во времена Грозного. Когда царь выселился из Москвы в слободу, грозя оставить царство, тогда епископы, поехавшие к нему туда уговаривать его о возвращении, остановились в Слотине. Здесь же остановился князь Владимир Андреевич с женой и детьми, когда ехал на оправдание к Грозному. Сюда явился разъяренный царь с толпой всадников, эту деревню они окружили с обнаженными мечами, в одном из сельских домов скрылся царь; сюда привели к нему князя Владимира с его семейством – и здесь он погиб жертвой его неистовых подозрений. Никак нельзя вообразить, чтобы это село, более похожее на деревушку, могло быть когда-нибудь свидетелем таких трагических событий.

Но откуда же взялось новгородское наречие? Иоанн III, покорив Новгород, выселил из него более восьми тысяч бояр, именитых граждан и купцов, получивших земли во Владимире, Муроме, Нижнем, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме. Не к тому ли времени относится и новгородское население Слотина?

Исторические воспоминания приятно соединять с живой Русью, которая олицетворяется для вас в каждом простолюдине. Я заслушивался рассказов Фаддея. Мне любопытна была жизнь его. Сиротинкой остался он годочку после отца на руках у вдовы-матери. Ей не на что было воспитать сына, она должна была собирать для него милостыню и воспитала его около Троицкой Лавры одним Христовым подаянием и снарядила ему домик. Теперь он ее поит, да кормит, да покоит, а она бабушка и няня детей его. «А как ты женился, Фаддей?» – «Да тоже взял за себя сиротинку. Уж так пришлось, один к другому. Жили две девушки, с ними тетка, крестная мать их; у них была изба. Вот я и взял одну из девушек за себя, а сестру ее тоже к себе в дом, с тем чтобы выдать замуж и себе получить избу. Так и сделал».

Действительность-то здесь выше той натянутой и брюзгливой поэзии, которая сама плоше всякой плохой действительности.

«Ну, а сколько у тебя теперь лошадок, Фаддей?» – «Да четверня, по милости Божьей». – «А которую лошадку ты больше других любишь?» – «Да что, всех равно люблю». – «Нет, уж у вас всегда есть любимая». – «Да вот разве эту – эта будет пословнее». – «А рассказывают ли у вас на посаде сказки?» – «Бывает иногда». – «Да где же больше рассказывают?» – «Да по трактирам шляются такие сказочники, веселят народ».

Дорога мрачностью соответствует слободе Александровой и ее грозным воспоминаниям. Места лесисты – конечно, это малые остатки от лесов прежнего времени. По сторонам открывались иногда виды довольно живописные. Замечательны имена урочищ. У Троицы есть речка Торгош и Кбнчура. А вот тут перед селом Коринским речка Печкура. Самое Коринское также село древнее. Производят его от кар Грозного, но конечно, это производство поэтическое. Вернее то, что село Коринское упоминается в 1609 году. В нем Сапега встретил передовую дружину князя Михаила Скопина.

По мере того, как подъезжаете к Александрову, места становятся мрачнее и лес гуще. Но перед тем как открыться городу, лес, раздвигаясь, уступает место обширной поляне. Вдали виден городок, сначала как будто в ложине, потом выше, живее и красивее вытягивается он, особенно горной своей стороной. Какие-то развалины с башенкой возвышаются над новыми зданиями: это остатки славного конного завода, который был основан при Елизавете, великолепно построен при Екатерине, сгорел и не возобновлен.

Выезжая в город, по яркой пестроте цвета на одеждах простолюдинов вы заметите, что город оживлен фабричной промышленностью, что народ в довольстве, что красивые бумажные изделия, которыми снабжает Александров Россию, служат и населению самого города. На улицах приятно было встречать лица свежие, женщин прекрасной наружности, детей здоровых и веселых. Вот здесь фабрики, видно, с пользой действуют на низший класс, не изнуряя сил его, но питая его и довольствуя.

Остановившись в гостинице, довольно скромной для промышленного города, у хозяина-извозчика, я направил шаги прежде всего в уездное училище, к своим сослуживцам. Нас провожал по городу хозяйский племянник, один из учеников школы, хорошенький и умный мальчик лет 12-ти. Дорогой, чтобы не терять времени, я экзаменовал его. Весьма толково сказал он мне наизусть все 12 членов «Символа веры», хорошо знает начатки катехизиса, краткую священную историю, географию Европы и России. Об учителях своих и товарищах, особенно о старшем ученике, говорил он с уважением и любовью. Все исторические примечательности города известны 11-летнему мальчику, и усыпальницы в монастыре, и гробницы Маргариты и Феодосия, сестер Петра Великого, и охотный двор императрицы Елизаветы. От товарища по ученью слышал он, что отец его имеет книгу, печатанную в Александровой слободе, при царе Грозном: «ведь здесь, барин, прежде была типография». Мальчик изумлял меня своей сметливостью, проворством, знаниями, хотя и смешал в ответах Ревекку с Саррой. После оказалось, что он совсем не из лучших учеников училища, что нередко ленится в классах, а между тем и он мог служить хорошим аттестатом для всей школы. Я поручил ему отыскать старинную книгу, но после он отвечал на вопросы мои об ней с каким-то смущением, которое обнаруживало, что он в порыве детской откровенности проговорился о том, чего не велено было ему сказывать. Таким образом, след любопытной старинной книги пропал у меня из виду. Может быть, кто-нибудь другой, счастливее меня, ее откроет.

Река Серая делит город на две части. Имя реке дано по цвет у, который еще стал серее от фабрик, искажающих красоту Божья мира для потребностей человеческих. Училище – маленький светлый домик – помещено на горной стороне Александрова. Прекрасный вид открывается оттуда на широкий, пространный луг и на город, лежащий вправо. Ученье только что было закрыто перед моим приездом, но штатный смотритель И.Ф. Милославов

привел ко мне лучших учеников. Они ответами на мои вопросы подтвердил мне еще более то доброе мнение, которое составил я об училище по мальчику, мной случайно встреченному. Грамматика, священная и русская история очень тверды. Экзамен был сделан невзначай, без всяких приготовлений, по желанию начальника школы, обрадовавшегося профессору, который может взглянуть своими глазами на его ревностные усилия. Училище так содержится опрятно, как будто бы ждали кого-то. Карты географические для черчения раз вешаны в классах. Училищ – 4. В уездном – 30 учеников, в приходском – 6, в частной школе – 40, в женской – 22 ученицы. Число учеников к народонаселению относится как 1 к 14. Учащиеся мальчишки по большей части ограничиваются одной грамотой и поступают на работу. Редкий из них пройдет все классы школы. Часто порядок ученья нарушается тем, что мальчик по целой неделе не ходит в школу. Блудство родителей нередко тому виной. Промышленность также отнимает учеников у школы в работники для своих фабрик, а сама не радит о учении народа. Мы думаем, что она с течением времени больше получила бы и материальных выгод, не говоря уже о нравственной пользе, если бы поступала иначе и умела бы согласовать требования просвещения с своими вещественными видами.

Вся древность города сосредоточена в стенах Успенского первоклассного девичьего монастыря, который с своей пространной оградой возвышается на другой стороне города за рекой, на гористом месте. Вечером я успел только быть у всенощной. Народу в церкви было не много, особенно для такого большого праздника, как день св. апостолов Петра и Павла. Правда, есть еще в городе большая соборная церковь. Но надобно сказать и то, что фабрики утомляют народ, и немногие, освободившись поздно от телесных трудов, решаются еще на продолжительное стояние во храме Божьем. Промышленность должна бы быть предупредительна – и накануне больших праздников дать хотя два часа роздыха перед всенощной, чтобы народ мог отдохнуть немного, посвятить последние часы дня и вечера Богу. Плоды духовной жизни в народе, конечно, принесли бы пользу и самой промышленности, которая на нравственности на родной, основе порядка и благоустройства выгадала бы те два часа, которые уступила бы здесь в пользу религии и Церкви.

От монахини-привратницы узнал я, что в монастыре сто монахинь, которые живут на общине. Игуменья Аполлинария, отошед на покой по летам, предоставила строение монастыря игуменье Елизавете, весьма деятельной и бодрой. «А как у вас будет завтра поздняя обедня, матушка? В котором часу?» – «Да ведь мы не по-вашему считаем часы, а по-русски». – «Как это, матушка?» – «Да, у нас есть на башне свои часы, русские. Вот как заходит солнце – это значит 24 часа, а по захождении идет первый час, там второй и далее. Так и бьют они. Это русские часы». – «Ну, матушка, так у вас часы не русские, а итальянские. Так до сих пор считают часы в Риме. Завтра можно видеть ваши часы?» – «Можно, можно, сударь. У нас так они и заводятся». Итальянские часы в Александрове монастыре! Должна быть непременно древность отдаленная.

На другой день, после литургии осмотрел я соборную церковь. Она об одной главе. Наружной архитектурой напомнила она мне бывшую церковь Николы Явленного на Арбате, несомненно строенную при Иоанне Грозном, которая недавно была сломана. Только размерами она гораздо пространнее. Время строения положительно неизвестно, но есть признаки, что также при Иоанне Грозном. Одноглавые церкви у нас вообще древнее пятиглавых, но и пятиглавие ведет начало свое тоже от глубокой древности. В 1158 году князь Андрей Боголюбский во Владимире «заложил церковь камяну святой Богородицы... сверши же церковь 5 верхов, и все верхи золотом украси, и створи в ней епископию». Верхи здесь конечно означают главы. Но многие церкви, как Переславский собор, как Спас на Бору, были одноглавые. Любопытнее вопрос: когда у нас, с каких пор, начали перестраивать древние одноглавые церкви в пятиглавые и тем искажать красоту размеров и внутреннее освещение храмов, и

с какой целью эти переделки совершались? А в истории нашего храмового зодчества это искажение церковью – факт несомненный.

Здесь единоглавие, к счастью, неискаженное, представлялось мне во всем своем превосходстве касательно внутреннего действия храма. Свет падал сверху из продольных стекол шеи купола и чудно озарял весь иконостас: давно не испытывал я подобного впечатления. Вся великая тайна Бога Слова, предвечно рожденного, земное воплощение, Царь мира и сонмы небесные Церкви, склоняющиеся с обеих сторон перед неисповедимой тайной Христовой Веры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, апостолы, мученики, исповедники, праотцы – в лучах дневного света являлись мне во всех подробностях и производили на меня то впечатление, которое должен производить иконостас храма – это видимое таинственное небо нашей Церкви. В других храмах недостаток света или золотые украшения, в которых самоулаждалась или личность золотых дел мастера, или щедролубивое усердие доброхотного дателя, мешают тому высокому созерцанию, которое так необходимо для молитвы. Здесь же мне все было ясно, доступно, близко.

Надпись, видная в алтаре на исподе иконы Владимирской Богоматери, которая находится по левую сторону священника, предстоящего престолу, свидетельствует, что иконостас поставлен и возобновлен при царях Иоанне, Петре и правительнице Софии. Следовательно, если он только возобновлен живописью, то, стало быть, древнее царя Алексея Михайловича: ибо нельзя предположить, чтобы потребовалось возобновление в малый промежуток времени от царя Алексея до троих детей его.

Но главное доказательство в пользу древности храма – так называемые Васильевские двери, находящиеся в южном входе в соборную церковь. Этому памятнику 511 лет. Они названы Васильевскими по имени новгородского архиепископа Василия, который устроил их в церкви Святой Софии в 1336 году, как сказано в новгородской летописи («Боголюбивый архиепископ Василий у Святей Софии двери медяны золочены устроил»). Иоанн Грозный после разгрома новгородского в 1570 году вывез эти ворота в свою слободу. Должно думать, что тогда же они и поставлены в церкви.

Я осмотрел этот памятник по описанию Н.Н. Мурзакевича, которое нарочно взял с собой. Описание составлено верно и добросовестно. Весьма немногие поправки и дополнения случилось мне сделать. Содержание изображений на дверях относится к жизни Богоматери и Иисуса Христа. Они начинаются плачем Иоакима о неплодии и молитвой Анны о зачатии и кончаются изображением Пресвятой Троицы. Обе половины дверей, затворенные вместе, представляют как бы некоторый порядок в событиях, но не без отступлений. Видно, квадраты изготовлены прежде, а потом совокуплены невеждой в одно целое. Преображение следует после Воскресения; это напомнило мне знаменитое выражение профессора Сорбонны, Эдгара Кине: «La resurrection, et puis le Thabor». Впрочем, художник дверей не имел ввиду сказания Евангельского, что Преображение Спасителя было обнародовано зрителями его по Воскресении? В надписях на дверях славяно-церковные формы языка мешаются с новгородским наречием: «меце» вместо «мещет» или «мечет». Некоторые слова закрыты прикрепленными сверху золотыми листами: очень жаль, потому что скрыто много любопытного.

Внизу на дверях, после всего того, что относится к жизни Иисуса Христа и Богоматери, видны изображения с отношением к царской власти. Давид, как образец царя, верного Церкви, поражает Голиафа и несет торжественно ковчег Завета. Рядом с ним пример другой: Царь мира Иисус Христос сидит на престоле; лик Его закрыт прибитыми железными листами, но вы отгадываете сидящего по Евангелию и кресту, которые перед Ним лежат на алтаре, с орудиями страданий по одну сторону и чашей по другую. Кентавр, символ любо-страстия, держит правой рукой маленькую фигуру и как бы кидает ее далеко от Царя Бога: в надписи сказано, что царь – брат Кентавра и что Кентавр мечет («меце») братом своим

на обетованную землю. Тут же другое нравоучительное изображение: мужчина сидит на дереве, отягощенном плодами, и наслаждается ими; внизу две мыши подтачивают корни дерева. Не могу согласиться с почтенным автором описания, что будто бы два различные мастера, грек и русский, работали эти двери и что искусство одного уступает искусству другого. Люди в одеждах изображены лучше, чем нагие: так бывает всегда в первоначальном искусстве. Воскресение I.X и победа Давида над Голиафом весьма благообразны, потому что здесь тело покрыто одеждами. Нельзя того же сказать о крещении Спасителя, потому что художник не в силах был рисовать наготу тела⁵. В складках же одежд видны вкус и некоторое искусство.

По другую сторону у северного входа есть образ Спасителя с греческой надписью, которая, как видно, принадлежит русскому невежде: вместо «τὸ φῶς τοῦ κόσμου» (свет мира) читаете «τὸ φῶς τοῦ βοτρίου». Все малые паникадила перед местными иконами серебряные – дар царевен Маргариты и Феодосии Алексеевн, как это можно видеть по надписям, их окружающим. В алтаре есть еще маленький придел Симеона Богоприимца.

Успенский храм, по мнению молодого священника, весьма образованного, заключает в себе наибольшую древность монастыря, но не столько сама церковь, сколько то здание, из которого она построена. Главная церковь во имя Успения Богоматери, которого икона весьма уважаема, подновлена усердием И.Ф. Баранова. По бокам два придела, Иоанна Предтечи и Св. Марии Египетской. В последнем приделе иконостас замечателен красотой своей иконописи; особенно поразил меня необыкновенной грацией образ архидиакона Стефана на северных дверях, с кадилом в правой руке и с камнем в левой. Живопись, должно думать, времен царя Феодора Алексеевича, при котором было сильно итальянское влияние. Все это здание всеми подробностями своими показывает, что оно первоначально назначено было не для церкви. Окна и двери не на тех местах, где бы следовало им быть; углубления в стенах без всякой причины. Подобные я видел после в Твери, в церкви Отроча монастыря, переделанной из келлии митрополита Филиппа. В трапезе большой церкви с правого края и во всем приделе Марии Египетской вы видите остатки деревянного пола, составленного из сосновых квадратов. Это, конечно, пол прежнего здания.

Внешние части здания при церкви, под одной с ней кровлей, показывают также, что оно все вместе когда-то составляло одно целое: при переделке же его в церковь с двумя приделами некоторые части не вошли в новый план, и теперь в них жилые комнаты. Конечно, опытный в храмовом нашем зодчестве архитектор мог бы окончательно решить вопрос о первоначальном назначении этого здания. Не здесь ли был монастырь Грозного? Не тут ли кельи его опричников? Священник рассказывал мне, что по преданиям и догадкам, тут и полагают покои Иоанновы.

Еще более убеждают в вероятности этого предположения подземные своды или подвалы, которые находятся под этим зданием и занимают огромное пространство. Тут теперь монастырские погреба. Своды сложены из белого камня, точеного в больших размерах. Кладка по признакам очень древняя. В одном месте стены как бы впадина, нарочно сделанная, и выдаются какие-то два бруса с обеих сторон: трудно решить, для какой цели это устро-

⁵ См.: Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1837. Декабрь. Васильевские двери в городе Александрове. Сделаю некоторые дополнительные замечания к дельному описанию Н.Н. Мурзакевича. Если двери затворить, то не будет такого беспорядка в постепенности изображений, какой замечен Автором, хотя правда не во всем. При распятии у креста присутствует Иоанн и потому должно читать.... анн, а не анны (с. 609). Никодим, сидя у подножия креста, не держится за веревку, а клещами вынимает гвоздь из ноги Спасителя. В Сошествии Святого Духа на апостолов внизу изображен побежденный царь тьмы в короне, отделенной от верхней картины круговидной чертой. Подобное изображение встречается не редко на иконах того же содержания. То же видел я в Троицком соборе Лавры на паперти. В воскресении Лазаря слуга не пособляет встать воскресшему, а снимает с него пелены. Иконы с изображением Богоматери, прядущей волну (с. 621), встречаются и в других местах, как например в Киеве. Вот все, что я мог заметить в знак уважения к труду почтенного археолога, без которого не ясны бы для меня были Александровские ворота.

ено. Те, которые предполагают, что в этом месте была обитель Иоаннова, спрашивают: не для пытки ли какой? В самые нижние подвалы спускаться довольно трудно – по обвалившимся ступеням, в глубокой темноте, при свете лучины. Здесь чуть-чуть проникает свет в самые узкие отверстия, которые сделаны над землей. Местами на камнях сводов я замечал следы букв «м», «р». Под другой церковью Покрова Богоматери, где теперь хлебня и запасы муки для монастыря, находятся другие своды и подвалы. В глубину сходы такие, что спускаться страшно. Входят в те, которые служат магазинами, а на дальние только показывают с ужасом, предполагая, что здесь были какие-нибудь тайники или подземные проходы. Подозрительный Иоанн любил их. Вообще вся эта подземная сторона гадательно напоминает о темном пребывании здесь царя грозного.

Над церковью Покрова устроены те часы, которые в монастыре слынут русскими и которые, начиная счет времени от заката солнечного, обличают итальянское происхождение. Старушка живет при часах, ежедневно заводит их, сверяет с солнцем и заведывает их механикой, которая, судя по наружности ее и устройству, должна быть первоначальная. Надобно слышать, с каким заботливым участием говорит старушка о своих часах. Посредством двух деревянных дощечек она как-то устроила правильное движение маятника, который было испортился. Вся жизнь ее в этих часах. Впрочем, для монастыря они чрезвычайно важны, потому что все занятия монастырской общины распределены по ним. Когда эти часы сделаны или откуда привезены? Неизвестно. Если они устроены уже по основании монастыря, то в эти времена у нас были свои русские часовщики. Из юридических актов мы знаем, что Петр Кузьмин Печонкин, тихвинец, посадский человек, в 1655 г. взялся для одного девичьего монастыря <со> своими работными людьми собрать казенные часы боевые, поставить их на колокольни наготове, «как им бить на четверо часы по четвертем, безмятежно», указать их монастырскому человеку и вывести круг указной, по чем их водить и знать, и впредь шесть месяцев починивать их «безволокидно», а все это за «полпята рубли» (Акты юрид. № 199).

Должно думать, что все это место после смерти Грозного оставалось в запустении до самых тех времен, когда здесь была основана женская обитель. Время основания оной не определено. В «Истории российской иерархии» сказано, что царь Алексей Михайлович в 1651 году разрешил грамотой для стариц строить при церкви кельи и ограду. Но древнейшая грамота, хранимая в самом монастыре, относится к Феодору Алексеевичу. Есть предание о старце Лукьяне, который имя свое дал пустыне, лежащей в 10 верстах от Александрова, что он, с благословенья Патриарха Иоакима, основал и освятил эту женскую обитель. Протоиерей соборной церкви сказывал мне, что есть о том рукописное сочинение, которое ходит по рукам любителей старины. Вероятно, для обители воспользовались существовавшей уже церковью Успенья Богоматери и зданиями Иоанна Грозного, которые отличались необыкновенной твердостью, как это можно видеть из многих памятников его времени.

Здесь-то жили в инокинях две сестры Петра Великого: Марфа (Маргарита) и Феодосья Алексеевны. Первая преставилась в 1697, а вторая в 1713 году. Память их есть древнейшее и священное преданье монастыря. Их смиренные, низменные кельи пристроены к колокольне. На них показывают с благоговением. Ими устроены деревянные усыпальницы или похоронные погреба, где и теперь хоронят монахинь, ставя гроб на гроб. Мы видели несколько гробов, поставленных один над другим, с воткнутыми в них вербами от заутрени Вербного воскресения. Откуда взялся обычай усыпальниц – не знаю. Он напомнил мне обычай погребенья, прежде существовавший в Риме, хоронить в подземных погребах и также ставить гроб на гроб. В этих же усыпальницах похоронены были и царевны, согласно их собственному желанию, вместе с другими монахинями; но потом перенесены были их гробы в другую, отдельную усыпальницу, под церковь Сретения Господня. Здесь на двух гробницах горят неугасимые лампы, и народ чтит память царевен-инокинь частыми панихидами.

Перед входом, у окна вы видите портрет Маргариты, имеющий большое сходство с Петром Великим и царем Алексеем Михайловичем.

Монастырская ризница хранит также память царевен. Богатые ризы, шитые жемчугами, серебром и золотом, их рукоделье. Замечательны: крест, построенный в церковь царицей Наталией Кирилловной в 694 году за здоровье ее, Петра Алексеевича и царевича Алексея Петровича; ложка столовая царевны Софьи Алексеевны с буквами ее имени и блюдо серебряное весом фунт и 5 золотников, которое царю Алексею Михайловичу поднесли голландцы с надписью: «21 вес фунт. 5 зол. Государю челом удари галанские торго немцы Давыд Микула стоварищи. 7156, фев. 12». 7156–1648, в 12-й день февраля, т. е. на праздник Алексея митрополита, но это не был день именин царя.

Именинником бывал он 17-го марта, как значится в царских выходах: марта в 17 день слушал государь всенощную, на свой государев Ангел, в Алексеевском монастыре. Жаль, что в выходах 1648 года весь февраль утрачен, а не то, может быть, мы и прочли бы что-нибудь о приношении «Давыда Микулы с товарищи».

Тут же в ризнице хранится несколько кожаных лоскутков, т. е. старинных денег, тех самых, которые из этого же монастыря присланы были в наше Историческое общество. Это маленькие четверугольнички из толстой кожи с знаком вроде загнутого гвоздя. Я помню: наши скептики, тогда бывшие еще в большой силе, их оподозрили и объявили подделкой. Но что же за нужда была городу Александрову их подделывать? От ризничей слышал я, что этих кожаных лоскутков можно много найти и по городу. Где открыты они были – неизвестно.

От памятников Древней Руси возвращаясь к новой, не могу не сказать, что нынешний городок Александров всей жизнью и деятельностью своей обязан своему гражданину, всеми уважаемому Ивану Федоровичу Баранову⁶. Я и прежде слышал о нем от барона А.К. М-фа как об человеке ума и просвещения необыкновенного, с великими замыслами, могущими принести честь торговле и промышленности русской. К моему сожалению, Иван Федорович был в Петербурге, куда поехал за сыновьями, которые воспитываются там в Высшем коммерческом училище. Я не мог познакомиться с ним, чего весьма желал.

И.Ф. Баранов здесь – главный двигатель торговли и промышленности, несмотря на то, что есть купцы в Александрове и богаче его. Он понял, что Россия в своих торговых замыслах должна иметь в виду Европу и Азию: Европу – как образец, с которым не только должно сравняться, но даже его превзойти; Азию – как неисчерпаемый источник для материала и как средство для сбыта. Крашение бумаги и ситцы – главное его занятие: промышленность народная, соответствующая потребностям всех классов. Народ наш любит светлые одежды и яркость красок: красный и розовый – его любимые цвета. Промышленник должен применяться и к народному вкусу, если хочет успеха и выгоды. Иван Федорович учредил в селе Карабанове новую ситцевую фабрику, с целью превзойти все иностранные изделия в этом роде. Марену вывозит он из Хивинского царства и в обработке ее вошел в соперничество с Элберфельдом, этим Манчестером Германии, который один до сих пор заведывал ей в Европе: марена барановская являлась уже на Лейпцигской ярмарке и состязалась с элберфельдской. Из Хивы же выписал он в нынешнем году 35 000 пуд хлопчатой бумаги. Г. Чихачев в своей статье, которую читал в Географическом обществе 3 декабря, об исследовании верхнего бассейна Сыр– и Амударьи, относительно торговли нашей с Азией, выражает ту мысль, которую г. Баранов давно уже исполняет на деле.

«Главная польза замены американской хлопчатой бумаги и заморской марены азиатскими, – говорит он, – состояла бы в том, что Россия платила бы за них своими мануфактурными изделиями и что притом доставкой хлопчатой бумаги и марены занимались бы не иностранцы, но большей частью сами русские, которые перевозили бы также и свои изделия

⁶ К несчастью, Александров лишился с тех пор своего благодетельного гражданина.

на азиатские рынки». То и делает И.Ф. Баранов. Виды его простираются на Кавказе вслед за нашим оружием – уж он ведет большой торг и в Тифлисе.

В таком славном нашем фабриканте приятно найти благочестивого и доброго человека. Придел в соборной церкви Александрова отделяется на его счет со вкусом и великолепием. Во всем околотке раздаются от народа единогласные похвалы И.Ф. Баранову за его добро. «Да, он не побоится, как другие, – говорил мне извозчик, – чтобы у него фабрика сгорела. Нет того бедного человека, кому бы он ни сделал добра. У мужика коровка свалилась – коровку даст. К нему ведь какие гурты-то гоняют по осени». Такой голос – лучшая награда доброму делателю.

Где воспитался И.Ф. Баранов, умевши соединить европейские мысли с такой чистой христианской основой? В какой-нибудь академии, в высшем училище? Нет, мне говорили, что Александров был его колыбелью и местом воспитания.

Я старался разведать: не сохранилось ли в народе каких-нибудь преданий об Иоанне Грозном о его пребывании здесь, об Александровской слободе, которая, по сказанию одного древнего житейника, хотя по слову и означала то же, что свобода, а была «горше египетской работы». Один почтенный старожил, Семен Антипиевич, сказывал мне, что он ничего не слышал от своих предков. Мои сослуживцы по учебному ведомству также не могли мне сообщить ничего. Народ помнит конный завод Елизаветы Петровны, охотный луг, где охотилась сама императрица, эта прекрасная всадница, как воспел ее Ломоносов; но все, касающееся до Иоанна, покрыто, по-видимому, забвением. На месте его чертогов и келий стоят памятники благочестия. Одни мрачные каменные подземелья гадательно напоминают об нем. В народе не ходит ни сказки, ни песни, ни предания о грозном царе в том месте, которое было свидетелем его жестокостей и причуд. Вот еще добрая черта нашего на рода! Он не злопамятен, история злопамятнее его, как сказал Карамзин. Что, думает он, помнить дурное о царях и сочинять на это сказки? Лучше забыть, да помолиться на том месте, где совершено какое зло. Известно, что даже сыноубийство Иоанново в одной народной песне, касающейся этого события, исправлено – и казнь, повеленная царем палачу Скуратову, не исполняется усердием доброго боярина. На местах крови и зла мы издревле любили ставить не обелиски и не пирамиды египетские, но храмы и кресты. На Западе в подобном случае стояла бы какая-нибудь башня с привидениями и рассказывалась бы страшная легенда о Грозном, в вечное отмщение его памяти, и путешественник-собираатель обрадовался бы такому рассказу и передал бы его читателям, прикрасив его с своей стороны какими-нибудь цветами. Что касается до меня, то я рад был за наш народ, что не нашел в нем никакой памяти о злодействах Иоанновых. Не знаю, впрочем, может статья, другой путешественник будет несчастнее меня в отношении к мнению моему о нашем народе и счастливее в отношении к романической занимательности своего рассказа об Александрове.

Переславль-Залесский

Неразговорчив был извозчик, который вез нас из Александрова в Переславль до станции. Он не езжалый человек, не покидал своего Холопова, или, как он произносил, «Фолопова», меняя букву «х» на «ф» и тем доказывая, что он верен своему местному произношению. Вообще заметил я, что мужики мало ездившие, а более сидевшие в деревнях своих, неразговорчивы, необразованны. Оно и естественно. Общение с людьми прежде всего образует человека. Красивый, высокий мужчина сменил его на станции. Крестьяне в Петров день разговелись: кто молочком, а кто побогаче – говядиной.

Плохих лошадей, измученных работой, мы должны были сменить в другом селе. Сельский писарь, умный малый, вывез на лихой тройке. «У нас окружный-то, – говорил он мне, – вот кажется и со всяким младенцем поговорит. Никого словом не обездолил». В день Петра и Павла бывает праздник у ботика Петрова на озере Переславском и гулянка у крестьян села Веськова. Об озере рассказывает народ, что оно все выплескивает, чтобы в него ни бросили, хотя бы в самую середину. От того и названо, конечно, Плещеевым. Раз везли по озеру камень во сто пуд, он упал в воду каким-то образом. Озеро не в силах было волнами своими выплеснуть его на берег – так весной, когда ломало лед, икрами вытерло его на то место, где его и показывают. Икрами называются огромные льдины. Дно всего озера – чистый песок, в нем нет ни ила, ни растений. Вода так прозрачна, что в ней решительно видно все, на какой бы глубине что ни кинули, как говорит народ и подтверждают очевидцы. Чистота воды дает и рыбе вкус превосходный.

Ночью приехали мы в Переславль. Вдали белой полосой лежало озеро. Перед гостиницей, где мы остановились, виднелись обгорелые развалины каменных домов после пожара, недавно бывшего. В городе это было еще свежим грустным событием. Но вместе с несчастьем рассказывали и о благотворительных подвигах купечества. Первый помог Алексей Петрович Столбов, старейший из граждан переславских. Затем помог из Москвы племянник его Константин Алексеевич Куманин. Ждали, что пришлют Киселевы из Шуи, а они родня Темерину-Додонову, голове, которого фамилия старинная в Переславле; дом его также сгорел. Честь и слава доброму нашему купечеству! Оно первое является на помощь в подобных бедствиях.

Рано утром пошел я осматривать древности Переславля. В то время, когда на улице затруднялся я в проводнике и разговаривал о том с мальчиком гостиницы, заметил мое затруднение шедший по улице мещанин. «Что вам угодно, барин?» – спросил он у меня. «Да вот, взглянуть на вашу древность, на ваши соборы и монастыри». – «Извольте, барин, я вам все покажу. Как нам не знать своего города!» – «Да у тебя, может быть, есть дело». – «Ничего, ничего, батюшка. Рад вам послужить». Этот переславский чичероне – Аким Алексеев, мещанин Федоровской слободы. Я рекомендовал бы его всякому, кто бы захотел познаться с Переславлем: преумный малый знает в городе все старое и новое, а грамоте не учился. Я не расставался с ним целый день.

В новом соборе нет ничего древнего, кроме двух икон. Одна – Владимирской Богоматери. Об ней существует следующее народное предание, рассказанное мне Акимом. В Переславле народ поклонялся идолу Купалу. Когда Владимир внес Христианскую веру, переславцы хотели все-таки продолжать свое языческое поклонение. Но Владимир прислал к ним икону Пресвятой Богоматери и тем удалил их от кумира. Потому и празднуют ей накануне того дня, как праздновали Купалу. А икона в народе слывет до сих пор Купальницей. Другая икона – Спаса Нерукотворенного, так же весьма уважаема народом как древняя святыня. Она была обожжена в каком-то пожаре. Протоиерей полагает, что перенесли ее из старого собора. Судя по стилю, этот образ должен напоминать самые первоначальные времена

Переславля. В сохранении его нет ничего необыкновенного. Во время пожаров, конечно, прежде всего спасали святыню.

Но вот неподалеку от нового собора, близ высокого вала, – древний собор Спасо-Преображенский, сложенный из белого камня, об одной главе. Поразительны простота и гармония этого здания. Можете взглянуть на изображение его в «Русской старине» г. Мартынова и на прилагаемый рисунок, но здесь ясна будет для вас одна внешняя его форма, а не стройность размеров, которую можно передать только посредством архитектурного рисунка. В 1152 году, говорит Никонова летопись, великий князь Юрий Долгорукий «град Переславль от Клещина пренесе, и созда болши старого, и церковь в нем постави камену Святаго Спаса». Стало быть, древнейший город находился на берегу озера Плещеева, в старину Клещина или Клешнина; теперешний же город отдален от него, а вал, окружавший древний город, строенный князем Юрием, еще далее от озера. Собор стоит почти у самого вала. От вала обращен он на восток. И.М. Снегирев в описании этого храма передал нам исторические воспоминания, соединенные с ним.

Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском

Иконы внутри храма большей частью древние. Замечательнейшая – Спаса Милостивого, по сторонам Спасителя Богоматерь и Иоанн Креститель. Лицо сего последнего – тип превосходный, чисто византийский. На свитке, находящемся в руках его, надпись, по стилю букв и языку древняя: «Се агнец Бжии вземляи миру грехи». Буква «ж» необыкновенной формы, буква «з», по Востокову, весьма древняя. Замечателен дательный падеж: «миру грехи» вместо «грехи мира» – также древний славянский оборот, которого нет и в Остромировом Евангелии на этом месте. Снятие этой иконы можно бы рекомендовать художнику-археологу, который захотел бы у нас заняться собранием икон замечательных. Здесь же есть удобство для такого изучения, чего нет в других храмах, иконы без окладов и доступны во всей их целости.

По правую сторону от царских дверей вторая местная икона весьма примечательна не столько древностью своей, сколько содержанием. Наверху читаете надпись: «Образ Распятия Господа – Седмь Таинств». Посередине иконы изображен Спаситель, распятый на Кресте, а вокруг него семь таинств. Шесть изображено в кружках, и лица самого меньшего размера. Но видно, что на таинство брака живописец обратил внимание гораздо большее. Оно представлено внизу и как бы указывает повод, по которому икона была написана. Иерей благословляет чету, богато одетую, соединяя руки жениха и невесты, на которых одежды древнерусские. Возле невесты стоит женщина не молодая, также в богатом наряде, под фатой, и в левой руке у нее свеча, а правой держит она венец на голове невесты, которая с распущенными волосами, по обычаю, даже теперь существующему у наших крестьянок около Москвы, подает правую руку жениху, в левой же держит ширинку. На шее и на груди ее много монистов и драгоценных камней. На платье из парчи узорочной обозначена талия поясом с городками. Жених, с подобранными волосами на голове, в парчовой ферязи с петлицами, из-под которой виден зипун, подает правую руку невесте. При женихе стоит мужчина, еще наряднее одетый, чем сам жених, судя по узорам ферязи, с длинными волосами, вьющимися по плечам и как у женщины, в одной руке у него свеча, другой же он держит венец на голове жениха. Венцы жениха и невесты различные, на последней он имеет вид пламени, бьющего кверху. Кругом всего образа написаны стихиры, которые поются на Воздвижении Креста. Над таинством же брака большая надпись: «Тайна седьмая святого бракосочетания». Над головой жениха: «Брак есть таинство, в котором служитель церковный обручает два сочетающиеся лица». Над головой невесты: «О них же речено: еже Бог сочетает, человек да не разлучает, и будете оба в плоть едины». В самом же низу иконы читаете: «В лето 7190 (1682) поставил сей образ в соборней и апостольстей церкви Преображения Спасова по обещанию своему подъячий Никита Ведерницын. Писал иконописец Стефан Казариново». Вероятно, этот образ имеет отношение к браку подъячего. Совершение обряда и древние наши одежды, особенно женские, большая у нас редкость, весьма любопытны. При невесте дружкой женское лицо, не как теперь. Письмо иконы фряжское.

Краски весьма яркие, но с желтизной. Эта икона стоит того, чтобы снять с нее копию, особенно с нижней ее части. Прилагаемая здесь литография послужит живым объяснением к моему рассказу⁷.

В алтаре церкви гробница; думают, что здесь погребен князь Иоанн Дмитриевич Переславский, внук Невского, основываясь на летописи, которая расточает ему большие похвалы, не означая, однако, места погребения. В самой церкви две гробницы; предполагают, что похоронены его предшественники. Но, впрочем, все это гадательно, потому что надписей

⁷ Весьма рад, что мое описание икон Спасо-Преображенского собора, равно и некоторые другие подробности перешли в описание Переславля, составленное Г. Савельевым-Ростиславичем после полугодового его пребывания в этом городе и напечатанное в 6-й книжке «Сына Отечества» 1848 года.

нет. Древняя Русь не считала нужным, как видно, надписывать имена лиц на надгробных камнях.

Изображение бракосочетания в древних одеждах русских, снятое с иконы 1682 года, хранящейся в том же соборе

Неподалеку от древнего собора находится церковь Св. Петра Митрополита, вторая по своей древности. Новые пристройки безобразят, к сожалению, ее изящную архитектуру. Особенно красива верхняя часть ее: восьмиугольник суживается кверху и осеняется главой, которая имеет сходство с архиерейской митрой. Нет ли в этой форме какого-нибудь символического значения? Не было ли у нас различия в образах церковной архитектуры, смотря по посвящению храма? В Угличе я видел древнюю церковь во имя святого Алексея митрополита, точно такого же вида как Переславская. На древних Спасских соборах глава также всегда одинаковой формы. Символика нашего древнего зодчества – тайна, еще не разгаданная у нас, но тут не может быть случайности. Все, конечно, было определено. Внутри церкви иконопись до того подновлена чьим-то усердием, что не осталось и следов ничего древнего. Грустью отзывалось мне в сердце слово: поусердствовали, которое я нередко слышал в монастырях и древних наших храмах. Конечно, никто не осмелится порочить благочестивых побуждений в таком священном деле, но если хотите построить или украсить храм Богу, то зачем же непременно вам надобно разорить для того или заново изменить какое-нибудь здание, которое служит памятником молитвы ваших предков и прожило несколько столетий? Вы строите в XIX веке: архитектура храма должна отвечать новым потребностям времени. Еще ужасно видеть, как рука нового живописца размазывает на древних иконах свои новые румяные и дебелие изображения, в которых самоуслаждается его развитая личность. Да неужели же нет для того простого дерева? Зачем же надобно непременно для таких подвигов древняя икона, на которой печать веков? Великий художник, конечно, не совершит такого святотатства, а совершить его может один невежда, с развитой, безусловно, личностью.

В церкви я нашел одну только древнюю икону – святителя Петра, висящую на стене с левой стороны, и та сохранена, как сказывал мне священник, по приказанию его императорского высочества великого князя цесаревича.

День был светлый. Я взошел на колокольню нового собора, и оттуда открылся мне прекрасный вид на озеро, город и его окрестности. Озеро Плещеево стелется вдаль, ясное и лазоревое, и шумит, весело плеща своими волнами. По небесному цвету поверхности вы видите, как чисто должно быть песчаное дно его. По краям видны села: слева Веськово, памятное ботиком Петра Великого, Соломидино, справа Борисоглебское, Воронцово, а там, далеко-далеко за озером, село Купань⁸. К озеру от города примкнула рыбацья слобода, где ленивый и грязный Трубеж вливает свою мутную волну в его лазоревую и чистую влагу. Город весь виден как на ладони. Отсюда вы легко можете обежать глазами весь зеленый вал, который образует параллелограмм промеж домов и церквей. Взгляните отсюда, как были малы древние города! За валом лежали слободы и посады. Живописно, но нескладно разметан город по ровному месту. Новые улицы отличаются от древних прямизной. Двадцать две церкви возвышаются над домами: из них заметнее красотой стиля древний собор и церковь Петра Митрополита. Обилие Божьих храмов – принадлежность древних городов. Церкви, сады, огороды, дома каменные, деревянные, домики, хижины, лачуги, площади, улицы, пустыри, извилины реки, зеленая трапедия вала – все это в живом разнообразии перемешано произвольно и изображает вам нескладное раздолье самой жизни. За городом, в разных сторонах, возвышаются монастыри; всех живописнее – слева на горе упраздненный монастырь Горицкий, где прежде был архиерейский дом, а теперь развалина; подалее монастырь девичий Федоровский, основанный Грозным в 1557 году, в память рождения сына его Феодора и во имя святого Феодора Стратилата; ближе к городу, у въезда от Москвы, – монастырь Св. Даниила Переславского, а направо вдали – монастырь Св. Никиты Столпника. С одной стороны глаза разбегаются по голубой равнине озера, с трех других сторон – по полям и горам, которые оживлены нивами, лугами, лесами, деревнями. Это один из светлых, привлекательных видов, которые не так часто встречаются в нашем краю. Над всем городом и над озером летает изумительное множество белых рыболовов. То дают они широкие круги – над домами, во все стороны города, то реют, как белые точки в небе, над озером, то, завидя рыбу, бросаются стремглав на воду.

Замечательно изобилие этих птиц в Переславле. Они очень красивы: малы телом, белы, как мартовский снег на солнце; клюв и лапки у них розовые. Такие же ручные, как голуби в Москве, но еще ласковее и дружелюбнее к человеку. Летают по домам, по дворам, садятся на окнах; иногда так пролетят над вашей головой, что чуть-чуть не заденут. Народ их любит, кормит и не бьет. Рыбаки считают даже грехом убить рыболова, несмотря на то, что, конечно, эта птица поедает здесь множество рыбы. Но русский человек не жаден, не корыстен – и любит давать волю прекрасному Божью созданию, которое своим полетом оживляет для него мертвую природу. Мы еще не дожили до того, чтобы птицам бояться промышленности нашего народа.

Из собора мы отправились в монастырь Даниила Переславского. Аким был нашим спутником. Хоть он и не грамотен – а чего не знает в Переславле, и про старое, и про новое время. Жития переславских чудотворцев ему известны подробно. Сначала рассказывал он мне о святом Данииле, как он из Горицкого монастыря смотрел часто на то место, где теперь стоит его обитель; потом заговорил о Никите Столпнике – и то передавал мне живой устной речью, что я сам только что прочел в рукописном житии Никиты, которое было со мной. Вот то, что я слышал от него.

⁸ В «Москвитянине» я было напечатал: «Кутань», хотя мне и называли село, как записано у меня в дневнике: «Купань». Г. Савельев-Ростиславич меня поправил. Но считаю обязанностью оправдаться. На карте стоит Кутань. Я поверил карте, думая, что, может быть, ослышался и записал неверно, а вышло так.

Часовня на месте столпа Св. Никиты Переславского, стоящая на большой дороге

«Никита жил в Переславле и был друг мытарям». – «А кто такие мытари?» – «Да сборщики податей, батюшка. Сбирали подати княжеские и промышляли воровством и разными неправдами. Вот Никита раз пошел на рынок купить мяса: купил, приносит жене своей. Жена начала варить его в горшке. Смотрит в печку: бьет из горшка страшная пена, и всплывает то голова, то рука, то нога человеческая. Сказала она о том мужу; Никита пришел в ужас, покаялся и сказал жене: иду в монастырь».

Никита Переславский жил в XII столетии. Этот рассказ, записанный в житии и до сих пор живущий в устах народа, указывает на свирепые нравы времени.

«Вот приходит Никита в монастырь к игумену и открывает ему грех свой. Никиту в монастырь не принимают. Он пошел да и лег в близнее болото, во сто саженьях от монастыря. Лежит он день, другой, третий, не ест и не пьет... Вдруг увидели монахи: над болотом столп комаров и мошек вьется от земли до самого до неба. Вздвигались они тому, пришли до того места, смотрят: лежит Никита, – они и взяли его с собой. Там он и постригся. Доныне, батюшка, на праздник Никиты Переславского, 26 мая, если случается ведряное время, столп комаров и мошек вертится на том самом месте, где в болоте лежал Никита, а в другие дни этого не бывает.

Недолго прожил в монастыре Никита. Он заключил себя в столбе, что стоит у большой дороги, и носил вериги. Стал служить народу, исцелять и творить чудеса, и много людей начало к нему стекаться со всех сторон. Вот мытари, его бывшие содружественники, позавидовали ему, что к нему много народу приходит, и убили его. Вериги-то на нем считали они

золотыми или серебряными, сняли их, повезли в Ярославль; как при везли и увидали, что они были железные, бросили их в реку Которость... Вериги-то поплыли».

Какие нравственные мысли почерпает народ из этого рассказа? Гражданин, неправдами и разбоем достигший крайних пределов порока, вдруг раскаивается и в смрадном болоте очищает свое злодеяние. Постригшись в монастыре, он не остается, однако, в затворе обители. Заключив себя в придорожном столбе, он служит народу словом, советом, поучением, врачевством, милостыней. Чистая слава его и польза ссылают к нему всех, но и порождают зависть. Он, очищенный и прославленный, убит прежними своими друзьями, свидетелями его прежних злодейств. И вот природа сама нарушает для него закон, чтобы почтить святого, и железо, удручавшее его тело, не тонет на воде, а сохраняется на па мять народу. Так, самоочищением от всякой мерзости и благодеяниями народу снискал Никита святость; он про должен служить ему и теперь.

Церковь во имя князя Андрея Смоленского, где покоятся его мощи, не сохранила ничего древнего. Усердие поновило все.

С особенной грустью вспоминал мой Аким о прошлом великолепии Горицкого монастыря, когда там был архиерейский дом и когда Амвросий Бантыш-Каменский положил в нем основание Гефсимании. Теперь уже все опустело, и только изредка бывает служение. По мере того, как идешь к Данилову монастырю, и Горицкий вправо растет по горе и виднеется яснее и красивее.

От времен древних мы в разговоре переходили и к новым временам. Главный доход города – рыба, говорил Аким. Но рыбой заведывает не город, а особая рыбацья слобода. Рыбы столько в озере, что можно наловить, по крайней мере, на 60 000 ассигнациями в год. Так по расчету Акима, конечно, в пять раз преувеличенному его воображением против статистической действительности, которую предлагают «Владмирские губернские ведомости». «Рыбаки, – продолжал он, – еще в озере запродали рыбу. Рыбаки переславские не русские, а все чухна: переселены Петром Великим. У них речь-то хоть и русская, да лица-то вовсе не русские. Ростом малы, безобразны. С нами, русскими, они не водятся, да и мы тоже с ними. У них и обычай другой, и нравы другие, чем наши». Это замечание Акима мне подтвердилось совершенно на том рыбаке, которому заказал я копченых сельдей и лодку на озере. Лицо у него чухонское, рост маленький. В обращении смесь низости с грубостью. «Сто раз поклонюсь в ноги, а не обидьте», – говорил он мне, не будучи доволен никакой платой за своих сельдей. Никогда не скажет этого русский простолюдин – и не будет кланяться в ноги из лишнего алтына.

Я сделаю замечание, относительно сближений русского народа с иностранцами. Когда переселяется к нам человек отдельный из другого народа, мы за него беремся и в третьем поколении претворяем его в нашу собственную народность. Когда же переселяется целое племя или колонии, тогда оно остается неприкосновенным и никак не смешивается с народонаселением русским. Возьмите в пример немецких колонистов в южных губерниях; возьмите татар, цыган, чувашей, мордву; сюда же относятся и корелы, переселенные Петром Великим в переславскую Рыбачью слободу. Они потеряли свой язык, но сохранили наружность и характер. Народ наш не воспримет в себя другого народа, из уважения как к своей собственной народности, так и к чужой.

В монастыре Данилове я, к сожалению, не нашел настоятеля. В ризнице не могли показать мне ничего примечательного. Любопытнейшие грамоты напечатаны в описании обители, которое составлено из подлинных монастырских бумаг и издано в 1834 году. У раки преподобного Даниила я увидел почтенного старца, который молился: седой, как лунь, высокого роста, сложения исполинского. Но старость брала уже свое в его нетвердых движениях. Этот поклонник святого, схоронивший жену свою в монастыре и часто посещающий ее могилу, – тот самый Алексей Петрович Столбов, который помог погорелым переславцам.

Воспоминание о месте, где почивает преподобный Даниил, слилось в моем воображении с величавым видом благочестивого старца.

Аким возил меня на своей тележке в Веськово, село близ которого хранится ботик Петра Великого. Народ изготавлял дорогу для сановного лица. Влево на горе виден Горицкий монастырь во всей красоте своей. За Веськовым, на месте, называемом Гремяч, находится домик, достроенный августа 1-го дня 1803 года и в котором, по желанию переславских дворян, разрешено было хранить ботик Петра Великого. Березовая аллея ведет к нему. На этом самом месте был дворец Петра. Остатки его вовсе не существуют, но кое-где на земле видны еще следы оснований зданию. Березы, саженные Петром Великим, срублены чьей-то рукой. Осталось две, но это едва ли не внушки прежних. Аким, который все знает, уверял, что в этом дворце, когда он был цел, жили фрейлины Ягужинские, после они постриглись в Федоровском монастыре. Ботик поставлен в большой зале. Вот зерно русского флота! Вот игрушка отважного Петра, которому Переславское озеро было пер вой школой мореплавания! Сюда уезжал он из Москвы от матери, под предлогом, что едет молиться к Троице. Здесь тешил юный дух свой и воображал себе море. Число августа 1-е, выставленное на домике, напоминает тот крестный ход на озеро 1692 года, когда царь сам, при погружении креста в воду, палил из пушек со своих фрегатов.

Прочная постройка ботика весьма примечательна. Он вмале пророчит что-то великое. Тут навалены якоря, мачты, топоры, канат, разные снасти... Об этом-то корабельном хламе народ говорит, как я слышал от извозчика, что все тут есть, всякое снадобье, все делал царь, все сам – и даже лапоть крестьянский плел да не доплел: сказал, что это самая трудная работа.

В верхнем этаже домика хранятся остатки окон из слюды от прежнего дворца. По слюде изображены красками воины и горожане в разных костюмах, русских, но более голландских. Вероятно, сделаны в Голландии.

Тут же в особом столе хранится и указ Петра Великого, писанный его собственной рукой:

«Указ воеводам переславским.

Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры, а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегших сей указ.

Петр.

В Переславле, в 7 день февраля 1722 года».

Строгий указ, как видим, строго и исполняется.

Когда выйдешь из этого домика к берегу, открывается очаровательный вид на озеро, на город вдаль, на монастырь Горицкий. День был прекрасный, ветер совсем утих, ровно и спокойно расстилалось голубое озеро и напоминало своим цветом отчасти лазурь средиземную. До сих пор я помню это впечатление. Странно, как мы не умеем наслаждаться тем прекрасным, которое у нас под рукой. Подумаешь: во 120 верстах от Москвы, по гладкому шоссе, которое скоро вполне будет окончено, лежит это прекрасное озеро с своими окрестностями. И никто из нас никогда не вздумает прокатиться сюда, чтобы полюбоваться на его чудные волны, заглянуть в его серебряное дно, посмотреть на прекрасные виды, его окружающие. Когда русская жизнь внутри отечества забьет сильнее, когда мы сознаем красоты и блага земли своей, когда от одного пустого комфорта, вкусных обедов и бесконечного преферанса перейдем к чистым и благородным наслаждениям мыслящей жизни – тогда под тысячами весел заплещут волны Переславского озера, запестреют разноцветные флаги судов, раздастся одна полная хоровая песня – и будут петь ее тысячи голосов. Это мечта, скажут мне. Нет, это сбудется непременно. Не все же нам дремать в праздной скуке! Не понапрасну же Бог расточил по земле Русской красоты Своей природы! Не для одних же

сельдей существует Переславское озеро. Гуляла же по нем яхта Петра Великого – и раздавалась его потешная пальба. Церковь совершает по Трубежу и по водам озера торжественное плавание в лодках с хоругвями и иконами в шестое воскресенье после Пасхи, при звоне всех колоколов переславских, при пении клира, в сопровождении многочисленного народа. Если Церковь в своих торжественных молитвах освящает нам красоты природы, от чего же мы не пользуемся ими для благородных общественных наслаждений – и дремлют понапрасну воды озера, как дремлет там и наша русская жизнь, без мысли, без чувства, без песен и без чистых радостей? Отчего так сонны, и праздны, и скучны наши красивые города? Отчего как будто не для них эти голубые, многоводные реки, не для них густая тень лесов и широкое раздолье полей.

Последние часы в Переславле провел я в беседе с почтенными представителями владимирского и переславского дворянства. А. А. Б., слушавший у меня лекции словесности на первом курсе, теперь почетным смотрителем переславских училищ. В уездном 84 ученика и в том числе 12 дворянских детей, в двух приходских – по 56, в женском – 42 девочки. Молодые дворяне наши, живущие по деревням семейно, весьма охотно занимаются земледелием, не по системам Западной Европы, а практически, согласно с потребностями жизни и края. Отвлеченные статьи журналов по большей части не удовлетворяют их. Лучше бы было, если бы они писали сами по своим собственным опытам и наблюдениям и обменивались друг с другом такими сведениями.

Губернский предводитель владимирского дворянства сообщил мне много дельных сведений о своей губернии, которую, как видно, он изучает внимательно. Есть мысль прекрасная – составить местное археографическое общество для того, чтобы совокупными силами привести в известность, сохранить и поддержать, описать и издать в рисунках все памятники древности, которыми так богата Владимирская губерния. Пожелаем от души, чтобы это благородное предприятие исполнилось.

Встречаются иногда такие прекрасные мысли в нашем просвещенном сословии. Но есть препятствия к исполнению их – и более всего заключаются они в том, что западная цивилизация породила в нас множество нужд роскоши, удовлетворение которых для нас необходимо, потому что вошло в привычку и дает нам признаки внешней образованности, а между тем, обходится нам чрезвычайно дорого и отнимает средства для исполнения других высших потребностей.

Ростов

Солнце клонилось к закату, когда мы выезжали из Переславля. Влево расстилалось гладкое озеро, облитое солнечным светом. Монастырь Св. Никиты Переславского возвышался ближе к озеру на пригорке, окруженный болотистой почвой, которая напоминает о чуде святого. Неподалеку от дороги – каменная часовня и в ней крест, поставленный в память исцеления черниговского князя Михаила.

Князь был одержим тяжким недугом. Члены тела его расслабли. Много именья раздавал он церквам Божьим. Не было помощи. Вот услышал он о чуде творце Никите и его исцелениях. Велел изготовить себе лошаков, взял с собой двух бояр да несколько слуг, поехал к Переславлю, расположился станом у города и забылся сном. Из монастыря Св. Никиты выходит бес в виде чернца, как будто за какой-то потребой. Князь повелел спросить его о святом старце: бес назвал Никиту обманщиком и скрылся. В отчаяние впал князь Михаил, не знал, что и делать. Еще мало прошел пути, опять встретил того же беса под видом другого чернца, который сказал ему то же слово и прибавил, что напрасно князь трудился, проходя такой долгий путь, сказал и исчез. Тогда Михаил заметил козни дьявольские и продолжал свой путь. За версту до монастыря нашел он место прекрасное и, приказав раскинуть на нем для себя шатер, послал боярина к старцу уведомить его о своем приходе. Снова тот же бес попался навстречу боярину, в образе рыжего и кривого чернца, с заступом в руках, и сказал уже, что старец умер и он его зарыл. Но боярин запретил ему молитвой преподобного чудотворца, и бес стал недвижим. Дошед до столпа, где заключен был Никита, боярин поведал ему о приходе князя, о тяжком его недуге и получил целительный жезл от Никиты. Князь, взяв жезл, возвратил внезапно силы, сам пошел к столпу, принял благословенье от старца и передал ему клеветы и козни беса. Святой наказал сего последнего тем, что велел ему три часа стоять, прилепясь к стене столпа; бес сознавался в своих обманах, клялся, что не будет делать пакостей людям и отослан был в бездну к отцу своему сатане. Князь же велел поставить крест на том самом месте, где был прощен от недуга и, одарив монастырь, уехал восвояси. А преподобный Никита не переставал и днем и ночью молиться за него, за священников, за иноков, за всех православных, о плодоношении земли, о избавлении от иноплемennых.

Крест, водруженный в часовне, стоящей на месте шатра, с изображениями по стенам внутри, напоминает о чуде исцеления. Самый столп Никиты стоит у большой дороги, которая и теперь пролегает согласно древнему преданию.

Чудное шоссе катилось под нами ровной гладью, да мы-то к сожалению не могли по нем катиться. Обывательская тройка тащила нас очень вяло. Вез крестьянин, живущий от Переславля за 50 верст. Он никогда не бывал в этой стороне, и все окружавшее приводило его в такое изумление, что он сам не понимал, где находится. Между тем деятельно убиралась дорога. Мужики скашивали по ней мураву. Рвы выравнивались в ниточку. Почтовые лошади тяжелым, огромным катком укатывали дорогу и крушили свежий щебень.

Новый европейский путь много изменил впечатления, вас окружающие. Мне было тринадцать лет, когда я в первый раз ехал из Переславля в Ростов. Помню, как из одного села мы переезжали в другое. Теперь дорога пуста. Села отошли в сторону. Соображения инженерные требовали таких изменений. Новые деревни, новые села выстраются по новой дороге. В одном месте шоссе катится по топи непроходимой, где, конечно, никогда не бывала человеческая нога. Это чудо инженерного искусства. Наст шоссе на несколько сажень возвышается над болотами, которых влажные испарения обдавали нас пронзительной сыростью. Нельзя не любоваться этой смелой насыпью. Петровск, заштатный городок, где станция, выиграл много от шоссе. Домики так и подымаются друг за дружкой. Дом станционный очень кра-

сив и хорошо убран. Везде смотрители учтивы, предупредительные, с новыми формами цивилизации. Все пришлось по новой дороге.

Последнюю станцию к Ростову ехали мы ночью. Европейская цивилизация гладким путем своим ублаживала меня в моем тарантасе и обеспечивала мой сон от толчков и других более неприятных приключений. Но вдруг и она разбудила меня неожиданным образом. У шоссеного шлагбаума потребовали мытищинского ярлыка, о котором солдат сказал, что могу с ним сделать все, что угодно. Как что угодно? Вот где его надобно отдать. Смотритель впросонках настойчиво требует ярлыка с меня, также полусонного. Давай искать, шарить по всем карманам, и в портфеле, и в записной книжке. Нет, так нет. Надобно было вновь заплатить что-то. В другой раз, коль случится, будем помнить.

Ночь лишила нас возможности любоваться издали на Ростов, на его озеро, на монастырь Иаковлевский. За пять верст до города, от Песочного, как говорят, или Песоцкого, как напечатано на карте, начинается этот вид. Был час ночи. Лишь только стали мы подъезжать к самой гостинице монастыря, насупротив стен его, как тарантас мой повалился на бок. «Ось с треском пополам!..» Уж если надобно было сломаться оси, то нельзя же было сломаться ей благоразумнее, как в двух шагах от гостиницы. Случись это верст за пять от города, каково бы? Неприятное приключение не помешало мне, однако, любоваться белыми стенами, башнями и главами обители, которые, как величавые призраки, подымались в ночи передо мной.

Утро было прекрасное, солнце святило во все небо. Давно монастырский колокол призывал к молитве. Раннюю обедню выслушал я в приделе Св. Иакова, строенном на иждивении графини А.А. Орловой. Церковь потому и называется Орловской. Убранство ее великолепное. Вся она расписана ярославским мастером Медведевым. На потолке изображен Собор всех святых. Характер живописи итальянский. След академического влияния прошел везде. Ведь есть же у нас поприще для художников. Благочестивые вельможи платят богато. Церковь своими превосходными преданиями предлагает богатейшее содержание. Художники не скованы ни требованиями, ни особенными условиями. Искусству дана свобода. Отчего же нет великих произведений? От того, что одно подражание не создаст их. Нужен свой дух, своя жизнь.

На паперти вы поклонитесь гробницам Амфилохия Гробового и Иннокентия архимандрита, недавно почившего. Войдя в главный собор, я вспомнил мое детство, когда в первый раз с благоговением преклонялся перед ракой святителя Димитрия. Тогда был 1818 год, год вступления моего в Университетский пансион. Помню святое, изможденное лицо семидесятилетнего старца Амфилохия, который тогда благословил меня. В 1824 году скончался он, как значится на его гробнице, у которой горит перед образом неугасимая лампада.

С монастырской колокольни я любовался утренним видом на озеро Ростовское, или Неро. Оно цвета темного, не так как Плещеево. Сорок сел прилегает к нему кругом. Храмы их возвышаются отовсюду. Между ними село Поречье, с высокой колокольней, лежит все в цветущих садах и зеленеющих огородах. Город Ростов тянется по озеру на далеком пространстве. Он по строился раздольно, как все наши древние города. Двадцать две церкви составляют его благолепие. В середине озера виден остров, покрытый травой. Он принадлежит девичьему монастырю. Сенокос простирается и сюда.

Прежде всего познакомился я со своими сослуживцами. Штатный смотритель А.В. Ушаков сообщил мне, что в уездном училище 84 ученика, а в двух приходских по 50, в женском учебном заведении 42 ученицы. Из дворян учеников нет. Обилие церквей и грамотного духовенства причиной тому, что число учеников в училищах не умножается. Многие горожане пред почтительно отдают детей своих на выучку дяконам и причетникам. Древняя доверенность к духовному сословию еще сохранилась в народе относительно образования. К тому же и желают более наставления церковного, нежели ученья светского.

Наши монастыри в старинных городах продолжают еще иметь свое влияние даже в отношении к первым потребностям городской жизни. Есть в городе две гостиницы на большой площади: они называются «Европа» и «Россия» и соперничают друг перед другом. Судя по именам, можно бы было подумать, что и в Ростове проникли два направления – западное и русское. Но лучшая гостиница все-таки принадлежит монастырю. Плата остается на произволе доброго усердия к обители. Экипаж вы не можете нанять в городе. Извозчиков нет. А между тем, расстояния огромны. Гостеприимство архимандрита обители и здесь удовлетворяет вашей потребности. Я буду всегда с признательностью помнить радушный прием и обязательные услуги достопочтенного отца архимандрита Поликарпа, племянника Иннокентиева, который теперь правит монастырем.

Мне приятно было познакомиться с протоиереем Успенского Ростовского собора, Андреем Тимофеевичем Тихвинским, в котором я нашел просвещенного любителя и знатока ростовской древней святыни. Под его руководством осмотрел я собор, который составляет первую несомненную древность города и строением своим относится к 1230 году, при Константине Всеволодовиче. Подробное описание всей святыни, в нем содержащейся, было напечатано в «Чтениях Исторического общества». К нему отсылаю любопытных⁹.

По величавости стиля и благоговейному впечатлению целого здания Ростовский собор есть одно из прекраснейших произведений нашего храмового зодчества. Имена святителей и чудотворцев ростовских: Леонтия, Исая и Игнатия, почивающих в соборе, неумолкаемо раздаются в молитвах, к ним воссылаемых. Леонтий первый стойкостью своего характера распространил учение Христово среди неверных ростовцев и, видя, что старцы упорны, старился насаждать его в младенцах. В похвале ему, сопровождающей житие его, читаем слова, написанные в подражание тем, какими святой Иларион восхвалял святого Владимира, крестителя Русской земли: «Хвалит Римская земля Петра и Павла, Греческая земля Константина царя, Киевская земля Владимира, великого князя; Ростовская же земля вся тебе хвалит, великий святителю Леонтии, ублажает створшего дело равно апостолом: радуйся!» Исая, наследник Леонтия, довершил его дело – водворение христианства в Ростовской земле, а Игнатий правил паствою в тяжкое время татарщины. В алтаре храма поклоняются еще частям животворящего древа Креста Господня и мощей других ростовских чудотворцев и иных святых. Пелена древняя, шитая при Василии Васильевиче Темном с изображением святителя Леонтия, была отыскана и восстановлена протоиереем. В церкви под спудом почивает святой Феодор, племянник преподобного Сергия Радонежского, строитель Симонова монастыря и в нем предместник Кирилла Белозерского. Гробницы митрополитов ростовских тут же привлекают внимание путника: с особенным любопытством остановишься перед гробницей митрополита Ионы Сысоевича, этого неутомимого храмоздателя, который своей деятельностью столько украсил Ростов.

⁹ См.: год третий, № 2 (Толстой М.В. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.